Океанский патруль. Книга вторая. Ветер с океана. Том 4

Автор:
Валентин Пикуль

Океанский патруль. Книга вторая. Ветер с океана. Том 4

Валентин Саввич Пикуль

Океанский патруль #2

Великая Отечественная война – на море!

Здесь сражаются и против врага, и против беспощадной стихии.

Здесь – ТРУДНЕЕ и ОПАСНЕЕ, чем на суше… И важно помнить одно – каждого из героев Северного флота помнят и ждут на берегу.

Это – «Океанский патруль».

Первый роман Валентина Пикуля.

Одна из лучших военных саг XX столетия!

Валентин Пикуль

Океанский патруль. Книга вторая. Ветер с океана. Том 4

* * *

© Пикуль В. С., наследники, 2011

© Пикуль А. И., составление, комментарии, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Глава четвертая

Корни

– Я ухожу, – горестно сказал обер-лейтенант.

Суттинен хлестанул себя плетью по голенищу сапога и – ни слова в ответ.

– Я ухожу, – повторил Штумпф. – Почти год были вместе… Нам есть что вспомнить!

Суттинен – сквозь зубы:

– Нечего вспоминать! Все осталось там, за пограничным столбом. Мы уже топчем, Штумпф, милую землю Суоми!..

Да, огляделся он, это, конечно, уже не дремучие топкие болота потерянной Карелии. Вон торгует ларек с суррогатным пивом, вон девочки маршируют на богослужение, и впереди колонны – учительница; хоть бы значок «Лотта Свярд» догадалась снять, дура!.. А по холмам – домики: сами красные, окошки белые, разрисованы, словно пасхальные пряники.

– Суоми… – протяжно вздохнул лейтенант.

На дворе соседней усадьбы пьяный капрал возился с лохматыми домашними медвежатами. Мальчишки подбадривали вояку свистом, а хозяин усадьбы, старый финн в синем жилете, сидел на крылечке, равнодушно сосал медную трубку.

– Суоми, – наконец отозвался Штумпф и, помолчав, грустно заговорил: – Мне уже нельзя оставаться здесь. Русские поставили вам жесткие условия:
к пятнадцатому сентября – ни одного немца на вашей земле.

– Ты, я знаю, – сказал Суттинен, подумав, – ты уйдешь сам, а вот ваша Лапландская армия… скажи, уйдет ли она?

– Конечно, нет! – улыбнулся Штумпф. – Мы не такие дураки, чтобы пожертвовать Лапландией, этим важным плацдармом. И вам, лейтенант, может быть, еще придется драться с нами!

– А ты, Штумпф, будешь драться против нас?

– Я солдат фюрера, – ответил советник.

– Я тоже солдат, – закончил Суттинен и, повернувшись, крикнул в сторону капрала: – Эй, эй!.. Берегись!..

Позванивая массивной цепью, на двор усадьбы вышла темно-бурая медведица с маленькими заплывшими гноем глазками.

Глухо рыча и оскалив пасть, полную желтых зубов, она встала на задние лапы и пошла прямо на капрала.

– А вот я тебя! – азартно крикнул капрал, скидывая с себя мундир с орденами. – Я не боюсь, херра луутнанти, – добавил он, смеясь, – у моей матери две такие, даже пострашнее были!..

Цепь натянулась и рванула медведицу за горло обратно. Но капрал уже схватился с ней в обнимку – только взметнулась рыжая пыль. И замелькали в этой пыли руки человека и длинные, свалявшиеся в грязи космы на «штанах» зверя…

– А вот я тебя!.. А вот!.. – покрикивал капрал.

– Пошли в дом, – сказал Суттинен, – я тоже когда-то любил бороться. Мой отец специально для меня держал медвежат.

Они поднялись на крыльцо, и в этот же момент из тучи пыли вырвался капрал, держась окровавленными пальцами за голову.

– Ухо, – простонал он, – две войны отвоевал, а тут… Откусила, сатана перкеле!..

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Штумпф. – Ох-ха-ха!.. Ухо!..

Медведица, подгоняя детенышей шлепками лапы, не спеша уходила со двора. Старый финн в синем жилете так же спокойно сосал трубку. За свою длинную жизнь он видел много всякого, и – что ухо?!

– Иди, иди, – сказал он капралу, – я тебя не звал на мой двор… Сам пришел.

Садясь в горнице на лавку, Штумпф перестал смеяться и сказал:

– Будем мы воевать или нет, а сейчас давай выпьем.

– Хорошо, только немного. Ты же знаешь: я не пью после того случая… Нэйти!

Вошла румяная молодая крестьянка.

– Обед можно подавать, – сказала певуче.

За столом, когда одна бутылка опустела, Суттинен заговорил как-то горячо и поспешно:

– Скажи, во мне еще не потеряно человеческое? Солдаты зовут меня собакой. Я сам чувствую, что бываю иногда подлецом. Но, скажи, я могу еще стать человеком?

– Давай выпьем, – предложил Штумпф и, когда выпили, строго посоветовал: – Меньше пей, и будешь человеком.

Суттинен быстро пьянел, его мысли путались, он пытался ухватиться хоть за одну из них.

– А все – она, она, она! – трижды выкрикнул он, едва не плача.

– Водка? – спросил Штумпф.

– Зачем водка? Женщина. Водка пришла потом, сначала была женщина…

– А я не знал.

– Ох, если бы ты знал!

– Я думал, ты – так, никого и не любил…

– Попробовал бы ты не полюбить, – вскочил Суттинен и снова плюхнулся на лавку. – Ты бы попробовал! У нее были вот такие черные глаза!

– Черные… Она – что, разве не финка?

– Да какое тебе дело! Я говорю – глаза были… вот!

И взмахом плетки, описавшей в воздухе круг, он показал, какие были глаза. Потом сразу как-то сник, опустил голову на стол.

– Э-э, да ты, оказывается, лысеешь, – заметил Штумпф.

– Двадцать семь лет.

– Рано. Если бы не война, не окопная жизнь…

– Иди к черту! – обрезал Суттинен. – Ты сам-то лыс, как лапландская ведьма.

– Не злись, – добродушно пробурчал Штумпф, прожевывая картошку, – мы скоро распрощаемся. И, наверное, уже никогда не встретимся.

– А я бы и не хотел.

– Почему так?

– Надоел ты мне.

– Ты мне тоже…

Суттинен поднял голову, рассмеялся. Штумпф похлопал его по плечу, радостно загоготал:

– Мы оба надоели друг другу, но совсем немножко. Ведь правда?.. Нам нельзя ссориться, еще неизвестно, что будет дальше! Ну вот, давай руку… Давай руку, приятель. Мы с тобой неплохо воевали почти год.

– Нэйти! – позвал Суттинен, растрогавшись. – Еще бутылку «Пены Иматры»!.. Если нет «водопадной пены», тащи самогону!..

– Хватит, что ты! – убеждал его Штумпф. – Ведь ты же решил не пить!

– А почему не пить?.. Почему? – наседал на него Суттинен с покрасневшими от слез глазами. – Скажи, я – подлец? Я – подлец, да?

– Да кто тебе сказал… Сядь!

– Нет, ты ответь: я, выходит, подлец?

– Брось, лейтенант. Нэйти, не надо никакой пены!

– Нэйти, – настаивал Суттинен, – тащи пену!

Девушка, заложив руки под накрахмаленный фартук, стояла в дверях.

– Я не знаю, кого мне слушаться, – томно выпевала она.

– Конечно, меня! – кричал лейтенант. – Я финский патриот, а ты читала?.. Ты читала в «Суоменсосиалидемокраатти», что – ни одного немца!.. Вот, а он немец!.. Тащи пену!

– Ты пьян, Рикко, – уговаривал его Штумпф, сам начиная беспричинно смеяться. – Ты пьян, и пятнадцатое сентября еще не наступило. Я могу уехать шестнадцатого!..

Но на улице уже стоял грузовик, в котором рассаживались едущие в Лапландскую армию немецкие военные советники, и Штумпф уехал вместе с ними. Старый финн в синей жилетке еще долго сидел на крылечке, потом встал и, кряхтя и охая, поднялся в дом, где расположился Суттинен.

– Опьянел и спит, – доложила румяная нэйти.

Не выпуская изо рта медной трубки, старик прошел в комнату офицера, дал понюхать со своей сморщенной ладони лейтенанту какой-то порошок.

– Ох, ох, что ты! – забарахтался Суттинен, быстро трезвея.

– Нехорошо, – качая головой, тихо и совестливо произнес старик, – наша Суоми так страдает, а вы… пьянствуете. Сегодня, ровно в полночь, вам надо быть на даче госпожи Куркамяки, что в семи верстах отсюда.

– Что, что?

– Ну ладно, – сказал старик, – я еще зайду к вам, напомню…

* * *

Подполковник Кихтиля часто зевал и сразу же крестил рот: лапландские духи, как известно, настолько злы, что только и ищут лазейки, как бы забраться внутрь человека.

– Обождем еще немного, – говорил он, посматривая на браслетку золотых часов.

Госпожа Куркамяки спустилась в комнату, где собрались заговорщики, принесла поднос с маленькими чашечками кофе. Каждый офицер достал пакетик с мелко наколотым сахаром, стал пить кофе вприкуску. Чадила керосиновая лампа, поскрипывали стулья, под полом возились крысы.

– Ну, где же лейтенант Агрикола? – снова сказал Кихтиля. – Связного к нему послали еще утром, а его все нет…

– Район Вуоярви, – заметил кто-то из угла, – очень труден для нашей работы. Там полковник Юсси Пеккала! И лейтенанту Агрикола, очевидно, не так-то легко вырваться…

Откуда-то сверху, через потолок, донесся бой часов.

– Ждать нельзя, – произнес подполковник, – пора приступать, господа… Лейтенант Суттинен, садитесь ближе!

Рикко Суттинен пересел к огню. Ему было немного скучновато на этом совещании, потому что многое он уже знал. Так, например, ему было известно, что сейчас по всей стране идет отбор офицеров-ветеранов, которые впоследствии должны будут стать командирами так называемых ударных батальонов. Назревает государственный переворот, и на пост «скандинавского фюрера» намечается – кто бы мог подумать? – сам начальник генштаба генерал Айро. «Я часто пью водку, болтаю лишнее, но об этом мне проговориться нельзя, молчи, мой рот, забудь это имя!..»

– Мы уже дошли до конца веревки, – говорил Кихтиля, – но выход из войны с Россией – это лишь маневр, дающий нам передышку. Восточно-карельский вопрос, основанный на великой финляндской идее, остался на этот раз неразрешенным, однако мы не собираемся отступать от своих законных требований. За нами остается весь государственный аппарат, цели которого прежние даже при новой политической ситуации[1 - В Финляндии существует закон о несменяемости чиновников, благодаря которому от должности чиновника может освободить один только суд.]. Наконец, у нас есть выкованная в боях армия, и вы, господа офицеры, снова поведете ее за собой. Стоит только одному русскому солдату перешагнуть пограничный рубеж, как будут взорваны

мосты, тоннели, разрушены водоразделы озер, и вода затопит целые районы…

Один вянрикки перебил подполковника:

– Простите, херра эвэрстилуутнанти, – сказал он, – а если русские не станут оккупировать нашу Суоми, к чему тогда сведутся цели нашего заговора?

Кихтиля слегка, как показалось Суттинену, поморщился, и лейтенант, чтобы выручить своего начальника из затруднительного положения, ответил сам:

– Неужели вы не понимаете, вянрикки, что дело тут не только в оккупации. Азиатская угроза страшна не только нам, как соседям России, но и Англии тоже; наконец, Соединенные Штаты просто не потерпят усиления мощи Советов.

– Еще вопрос! – спросили из угла. – Мы все здесь члены одной организации, и нам хорошо понятны цели нашего патриотического движения. Но есть армия, которая разойдется после перемирия по домам, вгрызется в землю и… Какое солдату дело до Англии, а также и до Америки!..

– Согласия у солдат, – резко ответил Кихтиля, – мы не собираемся и спрашивать. На то он и солдат, чтобы повиноваться, а не рассуждать. Списки этой армии уже составляются по всем тридцати четырем шюцкоровским округам.

Донесся топот копыт. Отогнув край шторы, один офицер выглянул в окно:

– Кажется, лейтенант Агрикола из района Вуоярви!.

В сенях громко прошуршало тафтовое платье госпожи Куркамяки, щелкнула задвижка, раздались торопливые шаги, и дверь, выбитая ударом ноги, распахнулась. Все невольно вздрогнули.

На пороге стоял полковник Юсси Пеккала.

– Встать! – сказал он. – Я здесь самый старший!

Мокрое старое кепи расползлось на его голове, лицо и одежду опутывала лесная паутина. От полковника сильно пахло лошадиным потом. Он, видно, долго

мчался сюда на лошади, не разбирая во тьме дороги, – отсюда и пот, и эта паутина…

Кихтиля первый оправился от смущения.

– Господин полковник, – твердо произнес он, – попрошу вас покинуть собрание: вы не можете быть нашим единомышленником.

Юсси Пеккала стянул с головы кепи, сильно встряхнул его. Капли воды, сорвавшись с козырька, обрызгали Суттинена, и он вздрогнул.

– Единомышленники! – рассмеялся полковник. – Так вот, довожу до вашего сведения, что лейтенант Агрикола, которого вы ждете, и его единомышленники арестованы мною как враги наступившего мира. Оружие они украли, но закопать не успели. И лейтенант Агрикола сознался во всем…

– Ложь! – крикнул Суттинен, привычно потянувшись к плетке. – Я знаю лейтенанта Агриколу, и он никогда не мог ничего сказать вам!

– Он долго и не говорил, – снова рассмеялся Пеккала, – но я спустил с него штаны и посек шомполом его тщеславный зад. После этого лейтенант плакал, как девка…

Пожилой вянрикки, грудь которого была украшена немецким Железным крестом первой степени, истерично вскрикнул:

– Вы оскорбили честь финского офицера!

– Что? – грозно переспросил Пеккала. – Вы говорите – честь?.. Но честь имеется у меня!.. Может быть, – добавил, помолчав, – она есть у подполковника Кихтиля. Но только не у таких сопляков, как вы!

Кихтиля, снова поморщившись, вздохнул и сел. Посмотрев на него, осторожно сели офицеры. Командир района Вуоярви остался стоять на пороге.

– Честь! – повторил он с издевкой и грубо выругался.

За дверью испуганно прошуршало тафтовое платье.

– Попрошу вас удалиться! – крикнул Кихтиля.

– Не ори! – сказал Пеккала и выхватил пистолет. – Не ори на меня, а то прихлопну, как жабу!.. Кто вы здесь такие?.. Вы же ведь – даже не лес, вы – корни, которые так глубоко ушли в землю, что вас уже не вырубить топором…

– Не вырубить! – крикнул вянрикки, и черный Железный крест качнулся на его груди.

– …Но еще можно выжечь! – закончил Пеккала. – И тогда в нашей Суоми можно будет сеять золотые зерна… Я ухожу, – сказал он, натягивая кепи, – мне здесь нечего делать. Но предупреждаю вас всех, что я этого так не оставлю. Я сегодня же напишу обо всем начальнику генштаба генералу Айро!..

– Пусть пишет, – сказал Кихтиля, когда за окном снова зашлепали по грязи копыта коня, – пусть пишет! Но мы тоже этого так не оставим. Если чирей долго не заживает на одном месте, его вырывают раскаленными щипцами. Лейтенант Суттинен!

Рикко Суттинен встал, одернул мундир.

– Я понимаю, – покорно сказал он.

– Тогда обождите, пусть отъедет подальше.

– Слушаюсь, херра эвэрстилуутнанти!..

Наступило молчание. Кихтиля посмотрел на часы, налил в стакан ароматного шведского коньяку.

– Пора, – сказал, – пейте в дорогу!

– Киитос, – поблагодарил Суттинен, – но я не пью!

– Вот как? – удивился подполковник и вынул из кобуры тяжелый маузер. – Возьмите, это лучше вашего кольта. Очень сильный удар, бьет навылет. Лошадь берите тоже мою, она стоит в конюшне…

– Я все-таки выпью, – сказал Суттинен и, залпом осушив стакан, поспешно вышел из дому.

* * *

Осенний лес шумел настороженно и таинственно. Дорога едва-едва светлела среди деревьев, терялась где-то во мраке. Протяжно ухал филин, стучали под копытами горбатые корневища, низко нависшие ветви елей хлестали по лицу.

«Как далеко мог он отъехать?» – думал Суттинен, и волнение человека передавалось лошади, прижав острые уши, она вытягивала свое мускулистое тело в стремительном галопе. Где-то в глухой болотистой низине холодным серебром сверкнуло озеро; белой свечой пролетел мимо поворотный столб, – дорога уходила вправо, поднималась в гору.

Суттинен придержал коня. Чтобы смягчить топот копыт, свернул на обочину в густую траву.

– Тише, тише, – успокаивал он лошадь, похлопывая ее по круто выгнутой шее.

Дорога закружила петлями, словно выискивая менее крутые подъемы. С высоты виднелись далекие деревенские огни, похожие на рассыпанных в траве светляков. Жутко и тускло горела на горизонте рыжая точка костра.

– Тише, тише…

Он совсем остановил лошадь; разгоряченная бегом, она мотала головой, грызла звонкие удила. И вдруг из темноты леса послышался знакомый, приглушенный цоканьем копыт голос.

Женский голос:

– Ах, если бы ты знал, Юсси, как мне…

Суттинен вытянулся в седле:

«Кайса!.. Она, выходит, с ним… У-у, поганое отродье!»

И, вынув из-за пояса маузер, крикнул:

– Полковник Пеккала!..

Голоса стихли. Было слышно, как шумно вздохнули лошади. Суттинен направил своего коня в придорожный кустарник, снова позвал:

– Полковник Пеккала!..

Командир района Вуоярви что-то громко крикнул, повернул свою лошадь на голос; топот копыт приближался, и Суттинен, взводя курок, сказал:

– Я вас жду, полковник!

– Кто здесь?.. Какому сатане я понадобился? – прозвучало совсем рядом, и лошадь Пеккала, перепрыгнув канаву, тоже перешла обочину.

Теперь они оба сходились под тенью деревьев, отводя от своих глаз колючие ветви.

– Ю-юсси!.. – пронеслось вдалеке.

«Опять она», – подумал Суттинен и, проглотив слюну, поднял тяжелый маузер.

Подняв маузер, воскликнул:

– Именем моей многострадальной партии! – и выстрелил в темноту: раз… другой… третий…

Ломая кусты, шарахнулась в сторону лошадь. Полковник вылетел из седла, закружились сорванные листья…

– Все, – тихо сказал лейтенант.

– Ю-юсси! – разрастался вопль сестры.

И в этот же момент сильные руки, словно выросшие из самой земли, вырвали Суттинена из седла. Тяжелый кулак опустился ему на лицо, застрявшую в стремени ногу рвануло болью.

– Ой, ой, ой! – закричал лейтенант.

А полковник бил его по лицу и приговаривал:

– Ситя виэля пууттуй!.. Кас туосса!.. Митя виэля!..[2 - – Вот тебе, на!.. Вот!.. Вот еще!..]

Прискакала Кайса, упала в траву:

– Юсси, что с тобой?.. Юсси!.. Юсси!..

Суттинен шарил руками вокруг – искал маузер.

– Уйди… уйди, – говорил он, – убью!.. Уйди!..

– Рикко?.. Ты?..

Полковник встал, рванул пучок травы, долго вытирал руки. Потом сказал:

– Посмотри лошадь. Кажется, все три – в голову!..

Суттинен бессильно плакал, и высоко над ним висело черное небо. Только одно думал: «Умереть бы…»

– Рикко… Брат мой… Скажи – зачем?!

– Уйди, – прохрипел он.

– За что? – спросила Кайса.

– Уйди, сука!..

Полковник ударил его сапогом.

– Юсси, зачем?.. За что?.. Разве ты…

– Милая, хватит.

– «Милая», – повторил Суттинен, и страшная злоба, какой еще никогда не испытывал, захлестнула его: – Ты, ты, – сказал он, поднимаясь, – костлявая шлюха… Дерьмо!..

– Замолчи! – крикнул полковник.

– Нет, я скажу, я все скажу… И как она в банях, и как…

– Молчи, гад! – замахнулся полковник.

Кайса опустилась на колени, закрыла лицо руками.

– О-о-о! – простонала она. – Какой ты подлец! Какой…

– Поехали, – приказал Пеккала и взял под уздцы лошадь подполковника Кихтиля.

– Но какой ты подлец! – повторила Кайса и плюнула в лицо своему брату…

* * *

Долго ехали молча. Час, два, три.

Кайса плакала. Пеккала курил сигареты.

Лес из черного постепенно становился синим – наступал рассвет. Обозначилась изморозь на травах, под копытами похрустывал тонкий ледок. Петухи горланили в далеких селениях, однажды какой-то человек перебежал дорогу.

– О-ох! – тяжело и устало вздохнул Пеккала.

Кайса оглянулась: в седле сидел маленький, нахохлившийся от утренней свежести человек: лицо в жестких морщинах, рот поджат в тонкую складку, даже не видно губ; и на локтях куртки – большие заплаты, сама нашивала…

– Я люблю тебя, Юсси! – сказала она.

– Так что?

– Я люблю… вот и все!

Лошади пошли рядом, взмахивая головами: колени всадников терлись одно об другое, их локти почти касались.

– Слушай, Кайса, – сказал Пеккала, – с меня хватит… Запомни: если я еще хоть раз услышу от кого-нибудь о твоем прошлом, я тебя выгоню… или зарежу…

Кайса опустила поводья, упала ему на грудь:

– Юсси, мой добрый Юсси… Спасибо тебе!..

Всходило солнце, и птицы просыпались.

Новоселье

В море несколько дней подряд бушевал шторм. Его далекие, значительно ослабевшие отголоски заходили даже в гавани. Корабли, уцепившись за грунт

тяжелыми лапами якорей, отстаивались в бухтах и на глубоких рейдах, давая возможность отдохнуть уставшим в походах машинам и людям. Но бывало и так, что механизмы отдыхали под чехлами, а люди трудились.

По вечерам весь флот дружно звенел склянками, и десятки горнов весело выводили такое заученное и такое знакомое моряцкому слуху:

Бери ложку, бери бак

и беги на полубак,

хлеба нету – поешь так.

Веселей беги, моряк,

не забудь с собою бак!..

Около камбузов строились очереди, боцманы проверяли чистоту бачков; бачок считается чист, если в нем отражается боцманская щетина, но не дай бог, если не отразится!.. Тогда бачковый отсылается драить бачок заново, и матросы в кубрике, стуча по столу ложками, решают назначить нерадивого «бачковать» вторично.

Матросы выпивали перед ужином законные сто граммов, потом лихо, так что грохот был слышен чуть ли не за милю, забивали морского козла. Проигравшие лезли под стол под шум и хохот веселящейся моряцкой братии.

В один из таких дней, когда эсминец «Летучий» стоял у пирса, лейтенант Пеклеванный получил комнату, о которой хлопотал уже давно. Положив в карман документ, он позвонил Вареньке, сообщив ей эту радостную для обоих новость, и отправился осматривать, как он выразился по телефону, свой «семейный кубрик». Напротив дома, который дугой огибал высокий скалистый берег бухты, Артем остановился, блуждая взглядом по окнам, – какое-то одно из этих окон станет для него маяком, когда он будет возвращаться с моря.

Кто-то сильно хлопнул его по плечу, и раздался знакомый говорок с кавказским акцентом:

– Что ты высматриваешь тут?

Артем обернулся и пожал руку Вахтангу:

– Да вот, получил комнату, хочешь, зайдем вместе…

– Ты получил не комнату, а сарай, – громко заключил Вахтанг, когда они пришли в квартиру, – и у очень плохого хозяина.

И действительно, пострадавшая от бомбежки комната напоминала заброшенный сарай. В окнах не было ни одного стекла. Паутина разрослась по углам так густо, что это была уже не паутина, а джунгли. В довершение всего, в комнате не сохранилось даже стула, чтобы посадить на него Вареньку, которая наверняка упадет в обморок при виде такого «семейного кубрика».

– Ах, черт возьми, хоть бы один стул!

Упершись руками в бока, Вахтанг ходил по комнате, подкидывая носком ботинка какие-то тряпки и бумаги.

– Да, – сказал он, вздохнув, – до уюта еще далеко.

И вдруг, весь загоревшись какой-то идеей, он выбежал из комнаты. Через несколько минут вернулся, торжественно объявив:

– Сейчас будет все в порядке!

Они закурили и стали ждать, когда все будет в порядке.

Примерно через полчаса с лестницы послышалось пыхтенье, дверь распахнулась, и в комнату стала вплывать широкая, гладко выструганная доска. Замерев от неожиданности, Артем следил за тем, как доска плыла по воздуху, точно по мановению волшебной палочки. Потом ему стало даже страшно: доска пересекла всю комнату, один ее конец уже вылез в окно на улицу, а того, кто нес эту доску, все еще не было видно.

Наконец показался на горизонте и он сам, – здоровенный матрос, обливающийся потом, с широкими в стрелку усами.

– Ух, – шумно вздохнул он, освобождая плечо, – там за мной еще столько будет. Как вы думаете: хватит на семейное строительство?

– Знакомься, – поднялся Вахтанг, – это боцман моего «охотника» – Иван Чугунов, старшина первой статьи, мастер на все руки!

Добродушно ворча, боцман выкладывал на подоконник гвозди…

Когда Варенька прибежала из поликлиники, она ахнула и, может быть, действительно упала бы в обморок, но предупредительный Вахтанг сразу подставил ей новенький, крепко сколоченный табурет:

– Садитесь, синьора. Все в порядке!

Сор уже был убран, на стенах красовались полки для книг и посуды, в углу стоял стол, около окна – кровать, а лейтенант Пеклеванный, засучив до колен штаны, с остервенением лопатил палубу своего «семейного кубрика».

Натягивая китель и откланиваясь перед уходом, Вахтанг сказал:

– Ничего, когда война кончится, вы этот дуб на дрова пустите, вместо него карельскую березу приобретете. А сейчас и так хорошо…

– Чего же ты его не пригласила? – набросился Артем на Вареньку, когда за старшим лейтенантом закрылась дверь.

Варенька распахнула окно и крикнула шагающему по улице Вахтангу:

– Приглашаем вас на новоселье!.. Приходите!.. Ждем!..

* * *

Но как-то так уж случилось, что, пригласив друзей только на новоселье, Варенька и Пеклеванный, не сговариваясь, готовились к свадьбе. В их отношения, подчас немного грубоватые, как это бывает у людей, вместе воевавших, вкралась какая-то особенно нежная забота друг о друге.

Они так привыкли за эти два дня друг к другу, что уже научились понимать с полуслова желания, мысли, чувства: она – его, а он – ее…

– Артем, – говорила Варенька, – так счастлива, так спокойна, мне кажется, я не была еще никогда. Все-таки я люблю тебя, Артем!

– Ах, все-таки? – обижался он, растапливая дымившую печку.

– Ну не придирайся к слову. Лучше сходи получи паек за месяц вперед.

– Я не хочу уходить.

– Почему?

– Отсюда минут семь ходьбы до гавани, семь минут обратно да еще полчаса уламывать интенданта надо, – итого, я должен прожить без тебя сорок пять минут, почти целый час… Ты думаешь – это так легко?

– Но я-то ведь отпускаю тебя на эти сорок пять минут!

– Ты не любишь меня.

– Можно подумать, что уж ты-то меня любишь… ох как!

– Проклятая печка… Ну конечно, люблю!

– Ладно, Артем, серьезно говорю – сходи!..

Артем ушел и, запыхавшийся, возвратился обратно ровно через двадцать минут.

– Ух, – говорил он, – вот бери: консервы, печенье, сахар, спирт… Ух!

Варенька счастливо хлопала в ладоши:

– Я видела в окно, как ты несся по улице, словно за тобой гнались собаки.

– А ты смеешься.

– А мне смешно…

Помогая Вареньке по хозяйству, Артем объяснял:

– Едва умолил интенданта. Не могу, да и все, говорит. Вот уж народ, действительно… Да, между прочим, тебя Кульбицкий на какой срок отпустил из поликлиники?

– На двое суток.

– Меня также.

– Ой, – вздыхала Варенька, – мы тут готовим, готовим, а придут ли они?

– Конечно, придут.

Все пришли: Прохор Николаевич с женой; командир эсминца капитан третьего ранга Бекетов и еще несколько офицеров, приглашенных Пеклеванным; Григорий Платов пришел поздравить новобрачных, а заодно и выпить; ну и, конечно, боцман Чугунов со своим командиром («Ведь сидите-то вы на стульях, которые я сбил-сколотил!») – и еще много других, знакомых и незнакомых.

Бекетов, к великому огорчению жениха и невесты, водку пить категорически отказался и на этом основании был выбран управителем вечера.

– Простите меня, – сказал он, обводя гостей долгим взглядом своих умных прищуренных глаз. – Простите меня за то, что сегодня, в этот торжественный день, когда принято говорить только о добром, веселом и милом, я несколько изменю этой традиции, оставшейся нам от беззаботных мирных времен… За всю войну, – продолжал Бекетов, и его голос слегка дрогнул, – мне пришлось присутствовать на многих похоронах и ни разу – на свадьбе. Может быть, именно потому, дорогие жених и невеста, я так тронут вашей любовью, и мне бесконечно дорога ваша судьба – судьба людей, пожелавших соединить свои сердца в такое тревожное время…

Тревожный ветер военного океана 1944 года, казалось, дохнул в лицо каждому. И каждый ощутил его дыхание, в котором предугадывались далекие бури.

Все было очень торжественно; казалось, что после речи Бекетова не хватает какого-то одного простого слова, которое могло бы рассеять эту не совсем подходящую к такому моменту суровость.

И Прохор Николаевич первым чокнулся с Артемом:

– Смотри, – сказал, – не обижай ее!

Ирина Павловна протянула свою рюмку к Вареньке:

– За вашу любовь, девушка.

Всем стало вдруг легко и весело, как и должно быть на свадьбе. Раздались приветственные возгласы, прерываемые зычным голосом Вахтанга:

– В Грузию к нам… В Грузию после войны… Ждать буду, вах!

– Го-орь-ко-а! – поддержал своего командира Чугунов, сохраняя при этом на лице подобающее боцману достоинство.

Артем и Варенька повернулись лицом друг к другу.

– Ну? – спросила девушка, покраснев.

– Что «ну»? – отозвался Артем.

– Нас ждут.

«Порядка не знает, – думал Платов, – первый раз замуж выходит».

И он крикнул:

– Целоваться надо, чего тянуть-то!

– Горько!.. Горько! – раздалось вокруг.

И скоро за тесным столом, когда все гости уже подружились между собой, голоса слились в один нестройный гул, в котором было нельзя разобрать, что говорит сосед, а Рябинин, к великому ужасу жены, уже стягивал с плеч свою куртку, кричал:

– Артем, ты сидишь ближе, открой окно – духота!

Ирина Павловна шепотом журила простака мужа:

– Никакого уважения к жениху, ты совсем не понимаешь, что делаешь. Поставь стопку, не держи ее в руке!..

Прохор Николаевич только улыбался в ответ:

– Так ведь он свой парень, подумаешь: окно попросил открыть. А стопку поставлю, все равно пустая…

Боцман Чугунов, часто поправляя усы надушенным платком, налегал на закуску, но пил мало – в море скоро. И за командиром своим следил:

– Товарищ старший лейтенант, вам бы это… того, хватит, как бы сказать.

Вахтанг смеялся:

– Я, старшина, кавказец и сам не люблю пьяных.

Платов, обхватив голову широкими ладонями, присматривался к тому, как разнообразно вели себя люди, и по его улыбке было видно, что он отдыхает среди этого свадебного гомона, беспорядочных тостов и требовательных выкриков «горько!». Отдыхает от качающейся доски, по которой бегал ежедневно над бурлящей в пропасти рекой; отдыхает от учебных стрельб и гранатометания, от головокружительной высоты скал, по которым взбирался, как альпинист, с полной выкладкой бойца за плечами, – от всего того, что ему приходилось делать, готовясь к боям в Заполярье.

Среди шумных гостей торжественно притихшие жених и невеста казались даже малозаметными, и взоры гостей обращались к молодым только тогда, когда Бекетов провозглашал очередной тост за благополучие нового семейного очага. Тогда гости наперебой кричали «горько», чокались через стол друг с другом, и Варенька снова целовалась с Артемом, который под общий шумок говорил девушке:

– Да ты не смущайся, ведь они знают, что не будь их – мы бы все равно целовались…

И вдруг, совсем неожиданно, кто-то настойчиво постучал в дверь с лестницы. Варенька слегка побледнела, опустила рюмку с вином.

Платов пошел открывать дверь, а Пеклеванный сказал:

– Интересно, кто бы это мог быть?

– Это… Мордвинов, – ответила Варенька, – я пригласила его тоже…

Но вошел не Мордвинов, а рассыльный матрос. Остановившись в дверях и положив бескозырку на сгиб локтя, так что все видели на его ленточке надпись: «Северный флот», он отчетливо произнес:

– Капитан третьего ранга Бекетов!

– Есть, – ответил командир «Летучего», привычным жестом застегивая крючки на воротнике кителя.

– Вам, – и матрос протянул конверт.

Бекетов быстро прочел записку, оглядел своих офицеров:

– Товарищи, на миноносец! А вам, лейтенант Пеклеванный, я разрешаю прибыть на борт через полчаса. Извините…

И все ушли, оставив их вдвоем. Артем снял с руки часы, положил их перед собой среди недопитых рюмок и сказал:

– Посиди со мной, Варенька…

Она села, доверчиво прижалась к нему.

– Ну вот, – сказала, – а мне Кульбицкий дал целых два дня.

Помолчали.

– Мордвинов так и не пришел, – вдруг вспомнил Пеклеванный. – Странный он…

– Да, странный, – согласилась Варенька и перевернула часы циферблатом вниз. – Я не могу так, – сказала она, – стрелки бегут очень быстро!..

Когда они вышли на улицу, с залива тянуло холодом.

– Завтра, наверное, выпадет снег, – сказал Артем.

– И ты уже будешь далеко!..

– Море большое, Варенька.

– Большое, Артем.

– Ты проводишь меня до пирса?

– Конечно…

Раскачивались у пирсов строгие, закованные в серый металл корабли; стылая вода жадно облизывала их борта, ветер доносил запахи машинного масла. В эту ночь они казались Вареньке почему-то живыми существами, и она даже ощутила то родное, знакомое по «Аскольду», тепло, которое исходило от них.

Вздохнула.

– О чем ты? – спросил Артем.

– Да так…

Они сейчас расстанутся, может быть, надолго, но все равно для Вареньки сейчас нет никого ближе вот этого человека, который встал из-за свадебного стола, чтобы уйти в промозглую океанскую ночь.

– Смотри, уже отдают носовые швартовы, – сказал Артем. – Ну, прощай, я побегу!

Она поцеловала его на виду часовых, впервые, как жена, и ответила:

– Прощай!..

Потом долго смотрела, как эсминец вышел на середину гавани, развернулся и плавно погрузился в черноту каменного коридора, который вел на выход в открытый океан.

– Здесь долго стоять нельзя, – подошел к ней вахтенный с соседнего тральщика.

– Я иду, – сказала Варенька и продолжала стоять…

* * *

Она уже приближалась к дому, когда путь ей преградила колонна курсантов, на рукавах которых тускло поблескивали якоря морской пехоты. Курсанты, видно, возвращались с учения в прибрежных скалах и сейчас шли усталым мерным шагом – земля глухо вздрагивала под ними.

Они проходили мимо, взвод за взводом, смотря на мир из-под низко опущенных касок, все молодые и все суровые. Высокие сапоги с альпийскими шипами, перепоясанные ватники, ладони рук покоятся на стволах автоматов.

И в одном из них, шагавшем с краю, Варенька узнала Мордвинова.

– Яша! – она даже пробежала несколько шагов. – Яша!..

Он ничего не ответил, даже не повернул головы в ее сторону. Он только снял с автомата одну руку, что-то достал из кармана, и когда колонна курсантов прошла, на дороге остался лежать клочок бумаги.

Варенька подобрала, развернула: это было ее письмо, в котором она приглашала его на свадьбу.

Эвакуация

В ночь на 15 сентября к коменданту финских войск, размещенных на острове Суурсаари, явился гитлеровский офицер с требованием передать остров германским войскам. Намерения немцев, желавших заполучить остров, воспользовавшись шатким положением Финляндии, были ясны. Председатель финской делегации, прибывшей в Москву для ведения переговоров, г-н Хаксель лежал в бреду с тяжелым кровоизлиянием в мозг, вверив свое здоровье советским врачам, – переговоры, таким образом, затягивались, тем более что министр иностранных дел Финляндии г-н К. Энкель еще не прибыл в Москву.

И финский командант Суурсаари отверг грубое требование гитлеровского командования, указав на то, что страна Суоми из войны с Россией, слава всевышнему, вышла и порвала всякие отношения с Германией. Тогда немецкие корабли блокировали остров и открыли огонь по своим бывшим союзникам. Финские солдаты, еще не успев насытиться долгожданным перемирием, пошли в штыки и сбросили в море несколько немецких десантов.

Как бы в отместку, в госпиталях Печенги в эту ночь были отравлены все раненые финские солдаты. Пауль Нишец вместе со всем взводом под командованием лейтенанта Вальдера был послан хоронить умерщвленных. Вытаскивая из палат и складывая на носилки судорожно сведенные полуголые трупы, ефрейтор думал:

«Зачем?.. Разве они виноваты, что их страна больше не может сражаться с русскими?.. И какие молодые парни, что сделали с ними наци…»

Огромные военные грузовики, наполненные по самые борта мертвецами, уходили в метельную ночь. Ветер, принесший с океана тучи, стучал по брезенту, обтягивавшему машину. Снег валил с неба – густой, вязкий.

– Скоро перейдем на лыжи, – сказал Франц Яунзен.

Он сидел на горе трупов и курил сигарету. «Сволочь», – неожиданно подумал про него Нишец и отвернулся, подставив ветру спину. Какая-то финская девушка, переходившая дорогу, увидела торчавшие из-под брезента голые ноги и, вскрикнув, бросилась в сторону от шоссе. Разгулявшаяся метель быстро поглотила ее маленькую фигурку.

Намерзшиеся и усталые солдаты вернулись в барак. Пауль Нишец как лег, так сразу точно провалился в глубокий колодец.

Утром его разбудил Яунзен:

– Вставай, ефрейтор!

– Что случилось?

– Началась эвакуация финнов из Печенги.

– Значит, Москва приступила к переговорам?

– Выходит, так. Вставай, да поскорее, а то опоздаем!..

Город, еще вчера живший по каким-то законам былой военной солидарности, теперь резко разделился на два враждебных лагеря.

На перекрестке пять егерей, окружив финского солдата, который озирался, как затравленный волк, били его кулаками по грязному лицу, оглушая улицу злобными выкриками. Пьяный фельдфебель, хохоча во все горло, тащил за рога низкорослого оленя, который равнодушно передвигал лохматыми ногами… А следом за ним бежала растрепанная, с обезумевшим взглядом выцветших глаз старуха финка и, хватая фельдфебеля за полы шинели, жалобно причитала:

– Господин офицер, смилуйтесь, если только у вас есть мать… Последняя скотинка в моем бедном доме, пожалейте голодных сирот…

Отшвырнув старуху ногой, фельдфебель весело крикнул Нишецу и Францу:

– Торопитесь, парни, под гору, где написано: «Эльза, целую тебя из Петсамо!..» Торопитесь, ибо там грабят кабак!..

В это время избиваемый финн выхватил из-за пояса свой острый пуукко и, вращая им перед егерями, закричал:

– Убью, не подходи!.. О, перкеле!

Егеря в страхе отступили назад, но пробегавший мимо них Франц Яунзен всадил в финского солдата несколько пуль из карабина.

– Чего смотрите! – набросился он на егерей. – Стрелять надо!..

Вместе с Нишецем, который спросонья еще не успел как следует вдуматься во все происходящее, Яунзен побежал в сторону кабака.

А в кабаке стоял грохот и гул солдатских голосов. Егеря выбивали днища из последних двух бочек шнапса, вытащенных из подвала. Когда вино было поделено между теми, кто сумел протиснуться к прилавку, озлобленные задние ряды стали крушить столы и стулья. Жалобно зазвенели стекла окон.

Кто-то выкрикнул:

– В аптеке есть спирт!..

Бросились, давя друг друга, в аптеку. Самого аптекаря, который стоял в дверях, широко растопырив руки, скинули с порога в снег. Густой массой рванулись к прилавкам, рассовывая по карманам все, что попадалось под руки, – порошки, склянки с лекарствами, наконечники для клизм, помаду, коробочки с пудрой и таблетками…

Крепкий спирт ударил в головы. Затуманил все то несправедливое, что раньше отзывалось в сердце ефрейтора. Какой-то финский солдат переползал дорогу, волоча перебитые ноги.

– Что, суоми, не сладкий мир? – сказал сильно охмелевший Яунзен.

Солдат повернул к гитлеровцам свое синее, искаженное болью лицо.

– Мясники, – тихо сказал он и повторил еще тише: – Мясники…

На крыльце комендатуры, окруженный финскими жителями, которые испуганно жались к перилам, стоял войсковой инструктор по национал-социалистскому воспитанию – оберст фон Герделер. На его гладко выбритом, холеном лице блуждала издевательски равнодушная улыбка, и на все жалобы финнов он отвечал одними и теми же фразами:

– Ничего не могу поделать… Понимаю, понимаю… Но не надо было вашей стране выходить из войны с Россией… К сожалению, остановить вполне законный гнев солдат я не в силах… Пеняйте на себя… А зачем Финляндия вышла из войны?..

Франц Яунзен, откозыряв крыльцу, на котором высился «неподкупный» оберст, сказал Нишецу:

– Ты проспал самое веселое приказание, какое я получал когда-либо. Сейчас инструктор, видишь, что говорит финнам!.. А утром нас собрали и объявили, чтобы мы устроили этим изменникам финнам хорошие проводы из Печенги!.. Сам генерал Рандулич призывал нас не жалеть ничего и никого…

Из одной узкой улочки, увязая в снегу, выскочила группа войсковых полицейских, возглавляемая лейтенантом Вальдером. Увидев своих солдат, Вальдер крикнул им, размахивая пистолетом с самым воинственным видом:

– Присоединяйтесь к нам!..

Несколько жандармов бежало на лыжах, неумело дергаясь телом при каждом шаге. Из их устало раскрытых ртов вырывался пар, пахнущий спиртом, – они уже хлебнули где-то изрядно.

– Куда идем? – спросил Франц одного из них.

– В каземат. Там еще остались финские дезертиры и распространители листовок. Пора покончить с ними.

– А я думал – в таможню, там есть что «организовать», – ответил Франц, но, как и Нишец, не осмелился скрыться, чтобы не навлечь на себя гнев лейтенанта.

Из разбитых окон финских домов, мимо которых они пробегали, раздавались истерические крики женщин, треск мебели, топот солдатских сапог. Егеря тащили часы, паленые окорока, крынки с оленьим молоком, свертки одежды, живую птицу, – каждый что мог.

В полосах разбушевавшейся метели носились перепуганные жители. На окраине города пылали подожженные дома. По дороге уже тянулись первые телеги, набитые плачущими детьми и убогим скарбом разоренных домашних очагов.

Это покидали Печенгу эвакуируемые, а вокруг их возов, словно волки, кружились егеря, выдергивая с повозок то какую-нибудь приглянувшуюся тряпку, то зеркало, то сверток с едой.

Один финский солдат, лицо которого показалось Нишецу знакомым, метался с карабином вокруг воза, отбрасывая с дороги в снег обнаглевших гитлеровцев. Жена его – худая костистая бабенка с распущенными волосами – хваталась за него каждый раз.

– Олави, мой родной Олави! – кричала она. – Пожалей хоть меня… Подумай, что будет со мной, если тебя убьют… Отдай им все, Олави!.. Отдай!..

Увидев, что муж ее не слушается, она спустила с воза детей, и те, громко плача, стали цепляться за своего отца. Но финн, уже вконец осатанев от бешенства, отбрасывал от себя и детей, и жену, и немцев.

С глазами, налитыми кровью, с пеной у рта, он метался около своей семьи, охраняя ее от грабителей. Наконец тирольским стрелкам надоело возиться с ним, и они забили его прикладами и штыками.

Оленей из упряжки выпрягли, вещи разграбили, а финская женщина осталась с детьми на дороге, рыдая над трупом своего супруга и защитника Олави.

– Будьте вы прокляты! – простонала она жандармам, пробегавшим мимо нее в сторону каземата, и Пауль Нишец, взглянув в лицо убитого, узнал в нем того самого финна из роты лейтенанта Суттинена, что прошлой зимой затеял с ним драку.

В монастыре, где размещалась воинская тюрьма, было тихо. Но не прошло и минуты, как двери каземата содрогнулись под ударами прикладов:

– Открывай!

Охранник впустил полицию внутрь тюрьмы.

– Давай ключи!.. Показывай, где сидят финны!..

* * *

Теппо Ориккайнен в окно видел все: и как ворвалась полиция во двор, и как охранник передал ключи, и как разбежались солдаты. Капрал уже знал, что его страна вышла из войны, видел, как грабили на дороге в сторону Маяталло его соотечественников, заметил, что виселица на дворе тюрьмы еще с утра приготовлена для смертников.

Оскалив зубы, взъерошившись, он встал в углу камеры и, держа в руках тяжелый табурет, прислушивался к топоту ног в коридоре. А когда дверь раскрылась, он рванулся вперед и ударил немца по голове, вложив в этот удар все свои силы.

Гитлеровец упал, но в этот же момент на Ориккайнена навалился клубок тел, кости захрустели от боли, и он – на плечах солдат – поплыл к дверям.

Почти не ощущая ударов, наносимых то справа, то слева, он чувствовал только одно: конец!..

Во дворе тюрьмы, огражденном каменной стеной в человеческий рост высотою, куда его вывели, уже стояло несколько финских солдат. На ногах у них почему-то не было никакой обуви. Перебирая по снегу босыми ногами, финны тоскливо смотрели на небо, с которого, не переставая, сыпалась ледяная крупа.

Первого из них толкнули в спину дулом карабина, и он, жалобно оглядываясь, засеменил к виселице. Лейтенант Вальдер накинул ему на шею петлю и ударом ноги, обутой в тупорылый сапог, выбил из-под финна последнюю жизненную опору – ящик.

Теппо Ориккайнен, с напряжением ожидающий своей очереди, мельком взглянул на то, как судорожно корчилось в петле агонизирующее тело, и отвернулся. Он отвернулся и вдруг увидел… лыжи! Они стояли, прислоненные к стене, за которой начинался крутой спуск, заросший кустами и деревьями.

Капрал часто смотрел из окна своей камеры на этот спуск и всегда почему-то думал, что по этому спуску, наверное, очень хорошо катиться на лыжах.

Приглушенный шлепок оборвал его мысли. Это вынули из петли мертвого финна, который вяло упал на землю обмякшим телом.

– Следующий! – крикнул лейтенант Вальдер, и чья-то рука легла на плечо капрала.

Ориккайнен вздрогнул всем телом, обернулся. Перед ним стоял худосочный гитлеровский солдат с очками на переносице.

– Пошли, – грубо сказал он и, взяв капрала за локоть костлявыми пальцами, потянул к виселице.

Пройдя несколько шагов, капрал резко остановился и ударом руки, выброшенной во весь мах, сбил гитлеровца с ног. В следующее же мгновение он кошкой прыгнул к лыжам, перекинув их через каменную стену. Грянул мимо уха бестолковый выстрел. Но капрал уже перебросил свое мускулистое тело через ограду монастырского двора. Лыжи, прикрепленные к ногам, мгновенно срослись с ним, став одним организмом – подвижным и стремительным.

И, оттолкнувшись, он покатился под откос…

Все произошло так быстро, что опомнились, когда за стеной уже раздался свист лыж, скользящих по снегу. Пока помогали один другому перебраться через ограду, финский капрал уже маленькой точкой прыгал внизу, виляя между камней и деревьев.

Для очистки совести дали несколько залпов в его сторону, но было уже поздно.

– Никогда не видел, – сказал Нишец, – чтобы так бегали на лыжах…

– Если финн встал на лыжи – значит, все!..

Франц Яунзен поднялся с земли и, смахивая рукой осколки очков, впившихся в лицо после удара капрала, подошел к своему карабину. Сняв с пояса тесак, он деловито прикрепил его к стволу и, разбежавшись, ударил штыком в одного из приговоренных к смерти.

Началась страшная кровавая бойня. Прижавшись один к другому, финны хватали штыки голыми руками, и с рассекаемых ладоней текла на снег кровь. Острые тесаки кололи их со всех сторон, солдаты дико кричали, падая под ударами, но снова вскакивали на ноги, продолжая хватать мелькающие в воздухе штыки…

Когда затих последний стон, Пауль Нишец увидел себя стоящим посреди большой лужи крови.

В этот день он заболел психическим расстройством и был отправлен в госпиталь Гаммерфеста. Врач посмотрел в расширенные зрачки обезумевшего солдата и сказал:

– Тринадцатый случай за одну только эту неделю. Положите его в палату без окон…

В темной палате без окон ефрейтору казалось, что перед ним мелькают штыки, на которых висят клочья мяса. Его мяса. Ночью ему влили в рот какой-то горечи и, связав по рукам и ногам, положили на холодный каменный пол.

Нищец извивался всем телом, пытаясь освободиться от жестких пут, и не знал, что в эту ночь солдатам Лапландской армии, в которой он числился ефрейтором взвода горных егерей, прочли новый, специальный приказ Гитлера.

В этом приказе фюрер внушал солдатам, что «…Южная Финляндия не представляет для немцев никакой ценности, но богатая никелем Северная Финляндия имеет для Германии огромное значение и должна обороняться немецкими войсками до конца…».

А когда солдаты, уставшие за день от грабежей и насилий, укладывались спать, каждый нашел на подушке своей койки или в изголовье нар заранее положенную кем-то листовку.

«Доблестные солдаты Лапландии, – говорилось в листовке, – никель – это жизненно необходимая пища для немецкой промышленности. Германии нужен никель!..»

* * *

А где-то далеко от Печенги, во тьме полярной ночи, спустившейся над лапландскими тундрами, быстро скользил на лыжах в сторону юга неутомимый в беге капрал. Его тело, тело финского батрака-лесоруба, могуче дышало морозным воздухом гор. Сердце радостно билось в груди, переживая избавление от смерти.

И смеялся, и пел, и хлопал в ладоши рыжий финн Теппо Ориккайнен.

– Ух, ох, ах, – весело финну бежать на лыжах!..

Печенга будет нашей

Начальник политотдела сидел на табуретке, накинув на плечи солдатскую шинель, хлебал из миски гороховый суп.

– Вы не слышали, – спросил он, – что сделали немцы с печенгскими беженцами?

– Нет, не слышал, – ответил Самаров.

– Страшная вещь. Непонятно, на что надеются сейчас гитлеровцы, подрубая сук, на котором сидели и сидят. Как же после этого они собираются еще оставаться в лапландских тундрах?..

По стенам землянки стекала вода, жарко постреливали дрова в печурке, воздух был густой, влажный; где-то вдалеке громыхала тяжелая артиллерия.

С бережливостью человека, знающего цену хлеба, подполковник собрал со стола крошки, отодвинул миску.

– Все ясно, – сказал он. – Для того чтобы сварить яйцо, не обязательно поджигать мир, а генерал Дитм этого никогда не понимал… Так вот что, товарищ Самаров, уделите в своих политзанятиях особое внимание прошлому нашей Печенги, покажите матросам и солдатам исторически оправданную принадлежность этих земель к нашему государству. На мой взгляд, такая лекция будет весьма поучительна.

– Это верно, – согласился Олег Владимирович. – А что сейчас в Москве?

– А что именно вас интересует?

– Переговоры между правительствами СССР и Финляндии.

– Это сейчас интересует всех, – ответил подполковник. – Что ж, переговоры начались, товарищ Самаров. О результатах будет сообщено в скором будущем. И, конечно, Печенга будет возвращена русскому народу. Возвращена, – добавил он, – хотя бы юридически, ибо в ней продолжают оставаться гитлеровские войска… Все ясно?

– Все.

– Тогда можете возвращаться в часть…

Часть, в которой служил Самаров, носила название «морской бригады». Эта бригада состояла наполовину из матросов, переодетых в солдатскую форму, которым предстояло первыми пойти на прорыв обороны противника, причем – со стороны океана. Олег Владимирович встретился здесь с Григорием Платовым, бывшим старшиной минеров на «Аскольде». В отряде особого назначения, которым командовал лейтенант Ярцев, служили никоновцы; вообще народ в бригаде был крепкий и боевой; это всегда нравилось Самарову. Но и лейтенанту здесь пришлось многому научиться, занимаясь не только воспитательной работой; порой случалось так, что рядовые знали больше его о правилах ведения боя в горах, умели лучше маскироваться, точнее стреляли и даже курили так, что не было видно огонька папиросы. Народ все обстрелянный: одни начали войну еще в Титовке, другие в 1942 году участвовали в знаменитой битве на Западной Лице, после чего на всех немецких картах и появилась «Долина смерти». Самаров, придя из экипажа, осмотрелся и первым делом взялся за учебу; теперь знает назубок отечественное и вражеское оружие, быстро лазает по скалам, умеет бежать – бежать, а не идти – по пояс в морской воде по любому грунту…

Около одной землянки солдат с глубоким шрамом на спине тер свое тело нежным пушистым снежком, выпавшим ночью. От его белой «полярной» кожи шел пар, и группа пленных тирольцев, чинивших дорогу, зябко ежилась при виде такой чисто русской забавы.

А конвоир, с лицом рубахи-парня, взял да эдак решил подшутить – кинул одному пленному за шиворот горсть снега. Что тут стало! Как залопочут тирольцы все разом, как заговорят, а на своего товарища, что застыл от ужаса с комком снега на спине, смотрят, как на приговоренного к смерти…

– Вот, брат! – расхохотался полуголый солдат. – Не тебе жить в Печенге, а мне!..

Самаров прошел мимо, и эта незначительная сцена, эти простые слова солдата почему-то врезались ему в память. «Не надо, – решил он, – доказывать им в лекции, что Печенга принадлежит нам, это они знают и так, и даже лекции никакой не надо, достаточно одной беседы…»

Вечером, сидя около камелька, топившегося торфом, он обдумывал план этой беседы, но мысли его невольно возвращались к последним переговорам. Он даже как-то явно представлял себе обстановку в Кремле и тот стол, за которым собрались руководители государства.

Потом его мысли невольно обратились в другую сторону, где в глубоких бетонированных подвалах совещались правители фашистской Германии; еще не затихло эхо последних выстрелов по участникам июльского заговора против Гитлера, как Германию поразил новый удар – Румыния вышла из войны с Россией, теперь выходит страна Суоми, и только в Лапландии еще сидит горно-егерская армия Дитма. Не может быть, чтобы не совещались сейчас и в побежденной Финляндии. «Конечно, – думал Самаров, – там не все благополучно, кто – „за“, кто – „против“, но огонь прекращен, кровь от Выборга до Кандалакши уже не льется, и то ладно; все уляжется, как муть, останется чистая вода. Наверное, совещаются и за океаном; американские газеты уже призывают Белый дом „не приносить в жертву финскую цивилизацию во имя соображений военного характера“; вчера кто-то на плохом русском языке целый день кричал по радио о страданиях „бедной маленькой Финляндии“».

Так размышлял Самаров, и он не знал, что за океаном действительно шли переговоры. Американо-канадское общество «Монд-Никель», вложившее свои капиталы в рудники Печенги, упорно не желало расставаться с солидными барышами; правда, эти барыши за последние годы попадали в казну Гитлера, но это не беда, что никель, используемый для наконечников разрывных пуль, поражал советских солдат; обществу важно оставить эти прибыли и… наконечники за собой, оставить для будущего.

– Самаров, – окликнули его с нар, – ложись спать, утро вечера мудренее.

– Вот и я так думаю, – встряхнулся лейтенант от своих мыслей и кинул шинель себе под голову. – Эх, елки зеленые, спать так спать!..

И он заснул, и ему снились то сказочный белокаменный город на берегу реки, то дипломаты, сидевшие за столом; река бешено кипела на порогах, а дипломаты, привставая с кресел, часто спрашивали: «А что вы думаете по этому вопросу, товарищ Самаров?..»

* * *

Откинув белую простыню, закрывавшую вход в землянку, Самаров спустился вниз по сбитым ступеням, сказал:

– Здорово, ребята!..

Кто во что горазд: один маскхалат чинит, второй портянки перематывает, третий нож точит, четвертый на гармошке играет, пятый письмо пишет, шестой курит, у седьмого зубы болят, восьмой хохочет, девятый спит, десятому стригут волосы, одиннадцатый грустит, двенадцатый печку топит, тринадцатый переодевается, четырнадцатый автомат разбирает, пятнадцатый… Да ну их к лешему, разве тут оглядишь всех сразу, в общем – дым коромыслом!..

– Здравствуйте, товарищи! – сказал, и все сразу встали. – Вольно, садитесь… Ну, как живете?

– Спасибо, товарищ лейтенант, позавидовать можно! – послышались голоса.

– А вы, – спросил Самаров, усаживаясь к печке, – кому-нибудь завидуете?

– Да вот, разве что третьей роте, – ответил Алеша Найденов, – у них сегодня на обед рисовая каша была, а нам опять овсянку давали!

Кто-то из угла заржал жеребцом, было слышно, как тут же получил затрещину, потому что острота, повторенная дважды, пусть даже ржанье, уже перестает быть остротой.

– Рис тебе еще давать, – пошутил Олег Владимирович, – ты и без риса лопнуть хочешь. Вон щеки-то какие, надави – кровь брызнет!

– Ничего, – весело откликнулись с «камчатки», – вот его до Лиинахамари катера протрясут на десанте, весь жир скинет.

Подсел Ставриди, развернул перед огнем портянки.

– Товарищ лейтенант, я вот одного в толк не возьму: то говорят Печенга, то Петсамо, то Лиинахамари, – это что, выходит, все разное?

Самарова постепенно окружали любопытные головы.

– Ну, – спросил он, вовлекая в разговор других, – кто знает, где Лиинахамари?

Борис Русланов, как всегда немного смущенно, ответил:

– Да это просто Девкина заводь по-русски, губа такая в Петсамо-воуно-фиорде, вроде порта у города Печенги. Мне как-то еще на «Аскольде» карту довелось посмотреть. Я даже ахнул – одни русские названия: деревня Княжуха, Падун-камень, тоня Малофеева, мыс Пикшуев, Палтусово Перо.

– А вот что я слышал, – вмешался другой, – говорят, в Лиинахамари на высокой-высокой скале стоит горный козел. Стоит и заглядывает в пропасть. Только он не живой, а вырублен из той же скалы, на которой стоит, но поначалу живым кажется.

– Врешь! Быть не может.

– А вот поспорим.

– Что же я тебе, в Лиинахамари побегу проверять?

– Ну все равно там побываем.

– Эй, кто был в Лиинахамари с Ярцевым?

– Буслаев был. Спит он.

– Разбудите, успеет выспаться…

Разбудили, поинтересовались: как насчет козла-то?

– Дай закурить, – густым басом попросил Буслаев и, потянув цигарку, лениво ответил: – Темно тогда было, немцы разрывными пулями били, не до козла было!

– Надо и мне закурить, – сказал Самаров. – Ну, кто хорошего табаку хочет – налетай!

Налетели. Задымили.

– Русские имена, – мечтательно проговорил Олег Владимирович, – где только не встречаются на карте! Даже этот Норд-Кап знаменитый и тот в старину просто Мурманским Носом звали…

– Выходит, – спросил Найденов, – возле него наши предки селились?

– И не только возле него, но даже и далеко за него!

Кто-то тихо присвистнул:

– Как же это так?

Буслаев поднялся с нар, сладко потянулся.

– Ух, – зевнул, – не дали поспать. Уж коли на то дело пошло, так я вопрос задам… Можно, товарищ лейтенант?

– А мы не на занятиях. Задавай что хочешь.

– Где же тогда граница русская проходила?

– Да, – вставил Алеша, – вот, скажите, где?

На «камчатке» чего-то засмеялись, донесся шепот:

– …Поймали замполита, не ответит!

– А ты слезай, слезай оттуда, – распорядился Самаров, – ишь, как разленились…

Два заспанных матроса слезли с нар, в одних носках подошли к печке, глаза их лукаво посверкивали.

– Ну, вы, кажется, хотели знать, отвечу я или не отвечу?.. Ну, так слушайте: раньше, несколько веков назад, границы с соседней Норвегией вовсе не было, она оставалась произвольной.

Ставриди недоверчиво хмыкнул:

– Это как же: государство, да еще какое, и… без границы?

– Вот так и было, товарищи, что граница отсутствовала. Правда, это было давно…

– И сколько же такое безобразие продолжалось? – пробасил Буслаев, стараясь пробиться к Самарову поближе.

– Безобразие, – повторил лейтенант и засмеялся, – конечно безобразие! И продолжалось оно до тех пор, пока положение границы не было узаконено в договоре Ярослава Мудрого с норвежским королем Олафом.

– Я помню, – сказал кто-то, – мы еще в школе проходили: Ярослав Мудрый на дочери Олафа тогда женился.

– Ну, куда ты лезешь, аж на самую печку, – оттолкнул Ставриди Буслаева, – и оттуда хорошо слышно!

– Тихо! Ша! Мне вопрос задать надо… А вот, товарищ лейтенант, войны, выходит, и не было, пока они женаты были?..

– Пока Ярослав Мудрый был жив, – серьезно продолжал Олег Владимирович, – на севере, товарищи, войны не было. Но после смерти Ярослава норвежцы повели войны с русскими поселенцами, которые селились тогда по Лютен-фиорду.

– Это где такой? – спросил кто-то.

– Примерно около нынешнего города Тромсе, – ответил Самаров. – Войны продолжались до самого 1323 года, когда в городе Орехове был заключен мирный договор, и отныне нашим рубежом стал считаться уже не Лютен-фиорд, как раньше, а Варангер-фиорд, или, если говорить по-русски, то просто Варяжский залив.

Матросы снова зашумели.

– Это что же получается, границы отступили на восток?

– Да, товарищи, в пору междоусобиц среди русских князей, в пору нашествия татарских полчищ на Русь нашему государству было очень трудно оберегать свои отдаленные от центра северные земли.

– Ладно, – хмуро отозвался Алеша Найденов. – А вот скажите, товарищ лейтенант, как случилось, что потом граница придвинулась к самой Печенге?

– Ну, а в этом, товарищи, виновато одно лишь царское правительство. И прямой виновник этому один человек, имя его останется в истории нашего севера позорным пятном…

Матросы еще теснее сгрудились вокруг него:

– Кто этот человек?

– Этот человек – полковник-квартирмейстер Галямин.

– Как вы сказали?

– Га-ля-мин, – по складам повторил Самаров. – А случилось это так… В 1809 году, когда Финляндия была присоединена к России, участки Печенгских земель оставались спорными. Но уже назрела потребность привести северные границы в «ясность». И вот для этой цели правительство послало в 1825 году Галямина, который уступил Норвегии область вплоть до реки Паз, что ранее принадлежала России.

– Во гад! – не сдержался Буслаев, ударив кого-то кулаком по спине.

– Тише ты! – набросились на него, и в первую очередь тот, кого он ударил. – Не мешай слушать!

– Прежде чем ставить пограничные столбы, – продолжал Самаров, постепенно сам воодушевляясь своим рассказом, – Галямин изрядно погостил в норвежской крепости Вадсе, то есть, попросту говоря, за взятку продал русскую землю. И границы, товарищи, придвинулись к самой Печенге, к древнему городу, с

которым связаны имена людей, дорогие сердцу каждого русского человека…

– А что это за имена, товарищ лейтенант?

– Эти имена знакомы вам… В 1767 году в Печенгу заходил парусник «Нарген», на котором служил мичман Ушаков – будущий адмирал, победитель турок при Керчи и Калиакрии. Здесь побывал и Павел Нахимов. Создатель Русского географического общества адмирал Литке жил и составлял здесь лоцию северных морей. «Меккой русского севера» назвал он древнюю Печенгу.
В 1897 году адмирал Степан Осипович Макаров привел в Девкину заводь свой ледокол «Ермак». Сюда же заходило и научно-исследовательское судно «Андрей Первозванный», которое вел Книпович – ученый с мировым именем…

Беседа о Печенге продолжалась еще полчаса, и когда лейтенант ушел, Буслаев задумчиво сказал:

– Неплохой все-таки замполит у нас, ребята!

* * *

Поздним вечером Самаров сидел в своей землянке и заполнял рапортичку в политотдел фронта: «С бойцами отряда особого назначения сегодня проведены политзанятия в виде массового собеседования; тема – славное историческое прошлое наших Печенгских земель; материал воспринят бойцами хорошо, задавались вопросы…»

Удар в железный рельс, и команда:

– Надеть маскхалаты, с полной боевой выкладкой грузиться на катера для учебного перехода!..

Катера уже качались на черной воде Мотки, чиркая днищами по каменистому грунту. Матросы и солдаты, одетые в раздуваемые ветром белые балахоны, один за другим бежали по сходням, прыгали в широкие катерные кузова. Где-то с немецкого берега взлетела шестицветная ракета, заливая волны радужными отблесками. Недалекий Пикшуев мыс глухо ворчал в ночи дальнобойными батареями.

– Пошли! – крикнули с передового.

Матросы, подтянув сапоги, вошли в воду и столкнули катера с отмели, винты взрыхлили волны. Черная мгла надвинулась со всех сторон, снизу и сверху, и только немецкий берег мигал вдали светляками автомобильных фар, – там, придвинувшись к Озеркам полуострова Среднего, проходила дорога на Петсамо.

И лейтенант Самаров слышал, как чей-то молодой голос, пробившись сквозь вой и посвист пены, летевшей через борт, выкрикнул во тьму:

– Светите, светите!.. Все равно Печенга будет нашей!..

Чрезвычайный эмиссар

Десять всадников в тупых надвинутых на лоб касках скакали вечером по безлюдной дороге Петсамо – Наутси, оглашая тундровые равнины звонким цоканьем копыт. Взмыленные бока лошадей, тяжело вздуваясь от быстрого бега, дымились на холодном ветру, и передний жеребец часто икал недоброй икотой усталости.

В короткие передышки, когда всадники останавливались, чтобы поправить сбившиеся на сторону седла, лошади тянулись к лужам, роняя с отвислых губ розоватые клочья пены. Но всадники били их снизу по зубам так, что головы животных вздергивались, а зрачки люто кровенели от неутоленной жажды. И снова, разбрызгивая слякоть, стучали по гудрону звонкие копыта.

Всадники скакали молча, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами:

– Говорят, мосты минированы?

– Может быть.

– Проклятые финны!

– А мы прорвемся?

– Должны.

– А граница?

– К черту все границы!..

Шоссе, по которому они ехали, напоминало дорогу, пропустившую через себя отступающую армию: в обочинах лежали перевернутые возы, какие-то ящики, валялся в канавах брошенный скарб, кое-где виднелись на холмах свежие кресты, – здесь прошли, вымостив этот путь своим горем, печенгские беженцы.

К вечеру десять усталых всадников, пришпоривая коней, въехали на высокий холм, и перед ними открылась широкая долина, рассеченная бурной, стремительной рекой.

– Наконец-то! – сказал старший, укрытый плащом с пелериной, и первым пустил коня на мост. Расхлябанные, жидкие бревна моста, раскатываясь, гремели под копытами. Лошади перегибали головы через жерди перил, жадно фыркая на быстро бегущую под мостом воду.

На другом берегу реки, почти у самого моста, стоял массивный столб, к вершине которого была прибита доска. На одной стороне этой доски, повернутой туда, откуда приехали всадники, было написано всего четыре буквы:

СССР

А с другой стороны, куда ехали всадники, было написано:

SUOMI

Земля вокруг столба чернела свежими комьями, рядом валялся черенок сломанной лопаты: столб врыт был только вчера. Отныне здесь проходила новая граница Советского Союза с Финляндией – граница, узаконенная во время переговоров в Московском Кремле, которая устанавливала новые рубежи и возвращала русскому народу Печенгские земли.

Но пока около столба стоял пограничник только с финской стороны, а со стороны Печенги, прямо на него, ехали десять всадников в гитлеровских касках. И как пограничник, охраняющий неприкосновенность своей державы, финн выступил вперед, щелкнул затвором карабина:

– Kuka siella?.. Tunnussana?.. Pusy paikoillasi, muuten ammun!..[3 - – Кто идет?.. Пропуск?.. Стоять на месте, иначе буду стрелять!..]

Но он даже не успел вскинуть карабин к плечу, как тут же упал под точными выстрелами. Раскатывающиеся бревна моста глухо прогремели под копытами последнего коня, выходившего на финский берег.

– Ну, здравствуй, Суоми! – сказал старший всадник.

Это был оберст фон Герделер, ныне – чрезвычайный эмиссар верховной ставки горно-егерского корпуса.

Лапландия гибла, гибла расквартированная в ее лесах немецкая армия, гибли надежды, гибло все.

Надо было спасать. Как спасать, что спасать? – фон Герделер еще не знал. Он знал только одно – спасать!..

* * *

Люди, лошади и гаубицы тонули в густой непролазной грязи. Мокрый снег летел косыми пластами. Жидкая торфяная слякоть прилипала к шинелям и отваливалась жирными комьями, противно шлепалась о землю. Солдаты, забыв про усталость, хватались за спицы колес, помогая животным вытягивать пушки.

– Проклятая страна! – хрипели, понукая лошадей, рослые фельдфебели…

На 650 явнобрачных видов растений в этой «проклятой стране» – 220 лишайников, и все эти 220 видов есть в коллекции обер-лейтенанта Эрнста Бартельса. Вот за эти два чемодана, что привязаны к пушечному лафету, любой ботанический музей мира схватился бы как за редчайшую драгоценность. У него даже не 200 видов, а – 234; эти четырнадцать он достал, ныряя на дно озер, и только не было лабораторных условий, чтобы доказать природу симбиоза наземного гриба и подводной водоросли…

– Навались, парни! – орут солдаты. – Еще, еще!..

Командир артдивизиона сидит на высоком рыжем гунтере, и единственное сухое место – это седло. Время от времени он вынимает из-под плаща руку, яростно трет залепленное снегом лицо. Еще недавно он сидел в своем тихом домике на Вуоярви, склонившись над микроскопом, изучал зеленые клетки гонидий. Это он, Эрнст Бартельс, нашел в Лапландии вид лишайников, муку которых добавляли в хлеб егерям; это он, Эрнст Бартельс, отыскал ягель, из грибных гифов которого одна фирма выделяет ароматные стойкие духи. Наконец, это он, имевший до войны солидную переписку с учеными Кембриджского, Ленинградского и Калифорнийского университетов, сидит сейчас в седле и смотрит, как тонут в грязи люди, лошади, пушки…

– Осторожнее чемоданы, – глухо произносит он. – Самое главное – мои чемоданы.

К ним приближаются десять всадников. Они тоже забрызганы грязью, бледны от холода, но держатся в седлах прямо и уверенно. Лицо одного из них кажется Бартельсу знакомым, и он узнает в нем бывшего военного советника при финском полковнике Юсси Пеккала. «Они там что-то не поделили, но это уже не мое дело», – равнодушно думает обер-лейтенант.

Фон Герделер не узнает или не хочет узнавать Бартельса.

– Куда идете? – отрывисто спрашивает он.

– На север, господин оберст.

– Кто отдавал такое распоряжение?

– Связь, господин оберст, – отвечает Бартельс, – потеряна, распоряжений никаких не поступает. Но я думал…

– Мне безразлично, что вы там думали!

– Прошу меня выслушать, – упрямо выговаривает Бартельс – По договору между Советами и Финляндией немецкие войска, не покинувшие Лапландию, после пятнадцатого сентября считаются военнопленными. Мы три дня бредем по болотам, пробиваясь к Печенге, а сегодня уже семнадцатое…

– Вы осел, Бартельс! – говорит фон Герделер, неожиданно вспомнив фамилию обер-лейтенанта. – Немецкая армия и не собирается покидать Лапландию. Поворачивайте свою батарею обратно!

Солдаты, слыша этот разговор, усаживаются на лафеты, достают размокшие пачки сигарет. Разъехавшаяся грязь снова медленно стекает в привычные колеи, заливая ноги лошадей.

– Я не могу выполнить ваш приказ, – осторожно заявляет Бартельс, – ибо мне ясно политическое положение в этой стране, и…

– Ба-атарея! – командует фон Герделер. – Кругом марш! – И, дернув щекой, добавляет: – Кому яснее политическое положение – вам или мне?..

– Простите, господин оберст, – покорно произносит обер-лейтенант и выводит своего рыжего гунтера в голову повернувшей колонны.

* * *

Железная рука Герделера сделала свое дело: армия осталась в Лапландии, пошатнувшаяся дисциплина выпрямилась, словно хребет солдата на параде. Единственное, что не мог побороть инструктор, – ненависть финского населения к войскам Гитлера, но он считал это нормальным явлением и отгородился от ненависти финнов своей ненавистью к ним. Это чувство уже было знакомо ему после встречи в Вуоярви с полковником Юсси Пеккала, его подогрел тот огонь, на котором сгорели остатки мундира, разрезанного Кайсой Суттинен-Хууванха, а теперь…

– Теперь, – говорит фон Герделер, – вы возьмете под свое командование взвод солдат и спалите эту деревню дотла. Зону пустыни мы сделаем там, где будет убит хоть один немецкий солдат… Идите!

Штумпф закрыл глаза и, покачнувшись, остался стоять на месте. Кадык судорожно дергался на его шее, он хотел что-то сказать, но не мог.

– Будет исполнено, господин оберст, – наконец выдавил он откуда-то изнутри и, круто повернувшись, вышел…

Герделер остановился возле окна. Ветер раскачивал оголенные ветви низких, стелющихся по земле деревьев. Какой-то старый финн аккуратно сгребал в кучу опавшие листья. По улице, выбирая места посуше, шли несколько егерей с аккордеоном.

Серо, тоскливо, мокро…

– Сейчас бы… – тихо проговорил инструктор и вздрогнул – свой же голос показался ему чужим, далеким. – Сейчас бы! – повторил он уверенней, но теперь забыл, что надо ему сейчас. – Черт возьми! – недовольно хмыкнул он и неожиданно вспомнил: – Сейчас бы в Парккина-отель, да рюмку коньяку, да… – «Чего бы еще?» – подумал оберст и долгим взглядом проводил финку, несущую ведра. «Так-так-так», – закончил он свои размышления и, выпив коньяку, поставил какую-то пластинку. Оказалось – шведская, и он хорошо понимал слова: «В далекой-далекой деревне живет одна толстая девушка; она такая толстая, что не может пролезть в двери домов, где живут ее многочисленные женихи, и потому эту девушку никто не берет замуж; но однажды вечером…»

Фон Герделеру так и не удалось узнать, что случилось однажды вечером с этой толстушкой: вошел давно не бритый унтер-офицер связи, на широком поясе которого звякали когти для лазанья по телеграфным столбам.

– Господин оберст, – доложил он, закашлявшись, – я прошел тридцать пять верст на север. Почти все столбы срублены, провода смотаны и унесены. В меня два раза кто-то стрелял. Я подключался к проводу в каждом населенном пункте, но Петсамо молчит!

– Молчит, – угрюмо повторил инструктор и почему-то вспомнил, как финка несла ведра. – Ладно, идите спать…

Снова подошел к окну. Небо на горизонте застилал черный густой дым. Огня не было видно, дым стелился понизу – багровый, страшный. Старый финн с граблями в руках стоял перед кучей листьев, смотрел, как горит соседняя деревня, и на его лице, жестком и грубом, застыла какая-то мука. Улица была пустынной, только в конце маячил деревенский ленсман с ружьем за плечами, тоже смотрел на этот дым.

«Ружья, – машинально подумал инструктор, – у ленсманов надо отобрать, обойдутся и так… Может, ленсманы-то и стреляют по нашим солдатам?»

Он услышал за своей спиной грузные шаги и повернулся.

– Хайль Гитлер! – хрипло сказал Штумпф.

– Хайль! – ответил инструктор, с удивлением посмотрев на обер-лейтенанта: подбородок его вздрагивал, лицо перекосилось, из-за темных крупных зубов высовывался большой язык. – Приказ выполнен – деревня горит.

– Я вижу…

Штумпф раскрыл рот, лицо его посинело, и, хватая руками воздух, он грохнулся на пол, быстро-быстро засучил ногами, сбивая в гармошку лоскутный половик. Фон Герделер закурил и, перешагнув через дергающееся тело офицера, сел в кресло – стал ждать, когда закончится припадок.

– Врача? – спросил дежурный, вбежавший на шум.

– Не надо, – поморщился инструктор, – это нервный припадок, какие часто бывают у фронтовиков и которые кончаются, как правило, без всяких последствий… Идите!

Штумпф скоро затих и долго лежал на спине, бессмысленно глядя в потолок. Докурив сигарету, фон Герделер наполнил стакан водой, добавил немного коньяку и подошел к офицеру.

– Пейте, – сказал он.

Штумпф, хлюпая губами, жадно выпил воду; инструктор помог ему сесть.

– Это пройдет, – успокоил он, – ерунда!

– Это никогда не пройдет, – хрипло, с натугой произнес Штумпф и, держась за спинку кресла, встал. – Три года, – сказал он, шагнув вперед, – три года я жил с финнами, ел финский хлеб пополам с опилками, страдал вместе с ними… И я не могу!.. Я не могу так…

– Чего не можете?

Штумпф рванул ворот мундира, открыв жирную волосатую грудь, заскреб ее пальцами.

– Эта деревня… Эти бабы… А я… мы… Я не могу! – выкрикнул он, наступая на фон Герделера. – Три года… с ними… Ханкониеми, Виипури, Сестрорецк… А потом здесь: Кестеньга, Рукаярви, Тиронваара… Они так, а мы…

– Смирно! – скомандовал фон Герделер.

Штумпф застыл, только концы его пальцев судорожно вздрагивали, а в углах по-собачьи безрадостных глаз висли мутные жалкие слезы.

– Сегодня же, – сказал инструктор, – вы уберетесь отсюда в Петсамо. Мне совсем не нужны такие офицеры…

* * *

Селение, в которое они въехали глубокой ночью, спало мирным сном. Только собаки, стервенея, бросались под копыта. Ставни в домах были плотно закрыты. На улице – ни души. Фон Герделер, не слезая с коня, читал вывешенные на воротах таблички, узкий луч карманного фонаря рыскал по заборам:

– Корзинщик Унто Купиайнен… Адвокат Лехми Аланен, опять не то… Ага, вот, кажется, здесь!..

Спешились. Оставив двух сопровождавших его всадников, фон Герделер направился к дому. Ветви кустарников, растущих в палисаднике, яростно хлестали в темноте по лицу. Дверь, ведущая с крыльца в теплые сени, была незапертой. Споткнувшись о порог, инструктор вошел внутрь, долго шарил рукой по стене, отыскивая выключатель.

– Эй, кто тут есть?..

Одна комната, другая… Двери разлетаются настежь.

И вдруг – приглушенный женский крик. Немолодая женщина в длинной до пят ночной рубашке торопливо зажигала керосиновую лампу. Пальцы ее дрожали, рассыпая по полу спички. В спальне пахло тепло обжитым уютом, широкая постель стыдливо обнажала смятые простыни.

– Простите, – сказал фон Герделер, вскидывая руку к козырьку, – но я, наверное, не привыкну к финскому обычаю, чтобы двери оставались незапертыми.

Он сказал это по-шведски, и женщина, быстро накинув халат, ответила тоже по-шведски:

– Если вы пришли для разговора с Петсамо, то разговор не состоится, – линия испорчена.

– Значит, я попал туда, куда мне нужно, – вежливо сказал инструктор. – Вы и есть телеграфистка фру Андерсон?

– Да, я.

– Прошу, – проговорил оберст и, взяв фру Андерсон за локоть, вывел ее из спальни.

– Я не понимаю, что вы хотите от меня?

– Чтобы вы соединили меня с Петсамо.

Женщина села перед аппаратом, включила связь.

– Видите, – сказала она, – все мертво!

– Я вижу другое, – улыбнулся инструктор.

– Что же именно?

– Во-первых, вы хорошенькая женщина, а во-вторых, вы не хотите соединить меня с Петсамо!

– Но…

– Оставим это!

Он протянул ей пачку сигарет, она неуверенно закурила от зажигалки фон Герделера, который закурил тоже.

– Я уже стара для вас, – неожиданно сказала фру Андерсон.

– Надклеванная птицей вишня всегда слаще.

– Спасибо и за это… Ха!

– Пожалуйста, – невозмутимо ответил фон Герделер, выпуская дым к потолку. – Так я жду!

– Ждать вам нечего: на проводе – пусто.

Инструктор усмехнулся и сказал:

– Но есть другой провод.

Фру Андерсон удивленно повела тонкой бровью:

– Вы ошибаетесь: другого провода нет.

– Я очень редко ошибаюсь. Как видите, в одном я уже не ошибся!

– В чем же?

– В том, что вы милая женщина.

– А-а-а, – вяло засмеялась фру Андерсон.

– Я не ошибся, – продолжал инструктор, – и в другом.

Он неожиданно сел перед ней на стол, свесив ноги в ярко начищенных сапогах, взял ее за подбородок.

– Это еще что! – возмутилась она.

Но он не выпустил ее подбородка из своих жестких пальцев и, помолчав, строго заметил:

– Я люблю, чтобы женщина, когда я с ней разговариваю, смотрела мне прямо в глаза!

Она посмотрела ему в глаза и подавленно сказала:

– Хорошо, я соединю вас с Петсамо… Дайте, пожалуйста, еще одну сигарету…

Заработал аппарат.

– Швеция на проводе, – сказала она.

– Отлично…

– Корпиломболо… Корпиломболо, – раздалось в наушниках. – Корпиломболо слушает…

Женщина назвала пароль и потребовала:

– Соедините с Петсамо… Соедините с Петсамо…

– Встаньте, – сказал фон Герделер и, заняв ее место, надел наушники. – Алло!.. Петсамо?.. У аппарата чрезвычайный эмиссар в Лапландии оберст Герделер… Кто отвечает?.. Принимайте…

Он стал докладывать о положении в Лапландии, и одна его рука как бы невзначай легла на спину женщины.

Телеграфистка дернулась в сторону, тогда оберст просто обнял ее – цепко и властно, не переставая повторять в трубку:

– Слушаюсь… будет исполнено… я обещаю…

Когда разговор был закончен, фон Герделер не ушел. Как-то странно посмотрев в темный угол, словно там скрывался кто-то невидимый, он уверенно произнес:

– Запомните мои слова: скоро я буду генералом!

– Меня это не касается… Пустите меня! С Петсамо вы переговорили, что вам еще надо?

Оберст вскинул голову, его упрямый квадратный подбородок слегка округлился в непонятной усмешке, но глаза из-под каски смотрели по-прежнему жестко и ясно.

– Я, – не сразу отозвался он, – тем и отличаюсь от других офицеров, что всегда знаю, чего мне надобно сейчас, завтра и чего захочу через три года!..

Он ушел от телеграфистки только на рассвете. Фру Андерсон, кутаясь в шубку, вышла на крыльцо. Глаза ее были припухшие, лицо помято.

– Хорст, – жалобно спросила она, – ты еще придешь ко мне?

Фон Герделер ничего не ответил. Ему подвели коня. Он легко забросил в седло свое сильное мускулистое тело. Вдали синел лес, вода в реке казалась зеленой.

– Мне тебя не ждать, Хорст?

Инструктор затянул ремешок каски потуже, сказал:

– Я еще не раз буду звонить в Петсамо…

Воздух рассекла плеть. Лошадь, вскинувшись, перемахнула через изгородь, и всадники помчались по скользкой дороге.

Лейтенант Мордвинов

На курсах лейтенантов морской пехоты командование ценило Мордвинова, но в «кубрике» его почему-то недолюбливали. Курсантам не нравился этот угрюмый, замкнутый в себе ефрейтор: не пошутит, не улыбнется, спросишь его что-нибудь – только буркнет в ответ. Его побаивались немного, и даже старшины рот относились к Мордвинову с особым уважением. Объяснить – почему так, старшины не могли, но, если их спрашивали об этом, они глубокомысленно намекали:

– Мы-то уж знаем, что он такой… Ну, как бы это сказать?.. В общем, не такой, как все!..

Это еще больше настораживало курсантов к «не такому, как все» человеку, и однажды подсел к Мордвинову один весельчак, сказал при всех:

– Ты чего травишь, что на «Аскольде» служил?

– Я разве вру?

– Конечно.

– Отшвартуйся, – сказал Мордвинов.

– Ишь ты, вычитал словечко, – съязвил курсант, – а сам, наверное, и море-то с берега только видел!

– Я тебе сказал: отползи.

– Да отползу, только не трави больше, что на флоте служил. Разве с кораблей ребята такие, как ты, бывают?..

Мордвинов оправдываться не стал, но задумался: почему все так? В экипаже «Аскольда» его не то чтобы любили особенно, просто относились к нему не хуже, чем к Платову или Русланову. Считали, что он скуповат немного, может нагрубить, но разве же он сделал что-либо плохое кому-нибудь? И не только на «Аскольде» – здесь тоже. «Правда, они боятся моих ночных дежурств, когда я требую от всех образцового порядка в помещении, но ведь на то и дисциплина! Прежде чем приказывать, научись подчиняться – в этом залог воинской службы. Ну и, спрашивается, какого черта этот парень придирается ко мне?..

Хотя – нет: он, пожалуй, прав, и вот почему: я стал уже не такой, каким был раньше, во мне что-то изменилось. В лучшую или в худшую сторону – я еще не могу понять. Во всяком случае, изменилось, и очень сильно. Люблю ли я вообще людей? Да, я люблю их, и даже этого парня люблю – он всегда веселый, хорошо шутит, легко жить, наверное, таким людям. А вот мне… Как странно все: Рябинин взял меня из детдома, поставил на работу, я жил не то чтобы прекрасно, но и не плохо, так же, как все; мне иногда было очень тяжело, холодно, я уставал, от меня пахло рыбьим жиром, и это была счастливая пора. А вот теперь… Сколько раз давал себе слово – не думать о ней, забыть лицо, голос, походку, вычеркнуть ее из жизни, будто и не было ничего. Да и в самом деле, если и было – так у кого угодно, только не у меня. Легко сказать – забудь, а вот ты попробуй – забудь. Отсюда, наверное, и все остальное…»

– Эй! – позвал он курсанта, который только что отошел от него. – Поди-ка сюда.

– Ну, чего тебе?

– Сядь. Ты где служил?

– Уж нет того корабля, на котором я служил.

– Погиб?

– На мине. Ночью.

– Значит, тонул ты?

– Сам понимаешь…

– Вот и я, – сказал Мордвинов, – тонул. Плохое, брат, это дело, скажу я тебе, тонуть-то!

– Да уж, конечно, не банку варенья слопать.

Как-то совсем неожиданно для самого себя Мордвинов рассказал историю гибели «Аскольда», что было на Новой Земле, как построил плот и как подобрал его английский крейсер, – о Вареньке он умолчал, но и этого было достаточно: собравшиеся одобрили рассказ, однако продолжали относиться к Мордвинову по-прежнему.

Через несколько дней вся школа лейтенантов вышла на тактические маневры в гористые тундры, расположенные поблизости от фронта. Под командование каждого курсанта поступало пять-шесть молодых солдат, с которыми он должен был выполнить боевую задачу, приближенную к боевой обстановке. Маневры сводились к цели «обстрелять» новичков и как бы устроить будущему офицеру экзамен: способен ли он вести за собой людей, каковы его тактические познания, сможет ли он преодолеть трудности своего первого боевого пути?..

Мордвинов все время, пока ехал на грузовике к линии фронта, испытывал какое-то волнение, которое казалось ему даже приятным. Это волнение усилилось, когда его вызвали в штабную палатку, разбитую на берегу покрытого первым ледком озера. Откинув хлопающую на ветру промерзшую парусину, он вошел внутрь и доложил:

– Курсант Мордвинов явился для получения задания!

В палатке находились двое: начальник школы, высокий плечистый майор с тростью в руках, и посредник – лейтенант Ярцев, специально назначенный командованием следить за ходом учебных маневров. Майор проверил у Мордвинова часы-компас, автомат и диски к нему, посмотрел, как подбита железом обувь, велел подтянуть ранец.

– Товарищ посредник, – сказал он потом, – дайте этому курсанту задание посложнее. Ведь он у нас первый отличник в школе!

– Ах, отличник! – улыбнувшись, ответил Ярцев. – Ну что ж, у меня есть один маршрут, по которому я сам прошел однажды в сорок первом году…

Он перебрал несколько запечатанных пакетов, взял из них один, лежавший в стороне от других, и протянул его Мордвинову:

– На рассвете вы должны быть уже здесь. В столкновение с противником не вступать, но стараться больше собрать сведений о нем. Можете идти!

Мордвинов отыскал своих бойцов. Это были молодые безусые юноши последнего призыва. Некоторые из них попали на фронт прямо со школьной скамьи. Недавно полученные шинели пузырились на их спинах, они притопывали по снегу громадными сапогами, согревая ноги. Мордвинов внимательно осмотрел их всех, приказал:

– А ну, разувайся! – и все пятеро немного удивленно, хотя и покорно, стянули сапоги. – Конечно, так и есть, – грубовато сказал Мордвинов, – чему вас дома учили? Вон только у одного портянки верно намотаны.

Он тут же разулся сам, показал, как намотать портянки.

– Чтобы лучше носка была, – объяснил он, – ни одной толстой складки, а то вы на первой же версте пищать начнете.

Мордвинов поучал неопытных бойцов, а сам видел, как одна группа за другой быстро снимаются с места, уходя во тьму полярной ночи, тают на снегу длинные

тени от их балахонов. «Торопятся, – неодобрительно подумал он, – боятся, что времени не хватит; ну пусть торопятся». И он с деловитым спокойствием проверил еще снаряжение и продовольствие своих подчиненных, заставил убрать на оружии лишнюю смазку и только тогда хлопнул рукавицами:

– Пошли, ребята!..

Ребята сразу наддали ходу, стремясь не отстать от ушедших партий, но он придержал их:

– Не спеши, нам еще далеко идти…

При свете карманного фонарика он вскрыл пакет и вначале даже не поверил своим глазам. На маленькой, величиной с ладонь, но подробной карте чернела жирная черта линии фронта, а пунктир маршрута, по которому он должен был пройти сам и провести людей, вилял среди обозначенных ущелий, дотов врага и пулеметных гнезд. Когда посредник предупреждал его, чтобы уклоняться от столкновений с противником, Мордвинов думал, что имеется в виду противник условный, но оказывается…

– Подойдите сюда, – распорядился он. – Вот здесь, видите, тянется глубокий каньон, через который мы должны перейти линию фронта. Проходы в каньон простреливаются вот с этих точек, что обозначены на карте. Нам надо как следует застегнуть маскхалаты, и мы проползем по снегу, как невидимки. Далее…

Он говорил и чувствовал, что того Мордвинова, какой был раньше, уже нет; есть Мордвинов другой – офицер, ответственный за судьбу этих пятерых юношей…

* * *

Начальник школы поднес к глазам часы: стрелки показывали половину одиннадцатого – наступал хмурый полярный день, за откинутым пологом палатки кружился снег.

– Все-таки, – вздохнул майор, – я напрасно посоветовал вам дать Мордвинову самый сложный маршрут.

Ярцев, ничего не ответив, часто затягивался папиросой. Лицо его посерело, щеки ввалились. С верха палатки ему на голову осыпалась сухая изморозь, но он словно не замечал этого.

– Что за маршрут вы ему дали? – осторожно спросил начальник школы. – Куда он ведет?

– В самое логово зверя, – ответил лейтенант. – Но там есть такие лазейки, что, если этот курсант не сбился с верного пути, указанного в карте, он должен выбраться!

– Однако же… – и майор не договорил, постукивая себя по колену тростью: получался сухой деревянный звук – вместо ноги был протез.

Ярцев отшвырнул папиросу, надел ватник.

– Если идти, – сказал он, – так идти сейчас, пока окончательно не прояснело. Я пройду по их следу… хотя бы до каньона.

Он вышел, прикрепил к ногам широкие лыжи и легко оттолкнулся палками. За сопкой, которую он преодолел через гребень, начинался пологий спуск, тянувшийся на много километров. Ярцев минут десять катился, почти совсем не работая палками. Снег лежал еще неглубокий, и на пути часто вырастали черные каменные зубцы. Быстро лавируя среди препятствий, лейтенант чувствовал, что спуск, конец которого скрывался за снежной пеленой, становится все круче и круче. Раз! – крутой поворот полуплугом, здесь тропинка, резкий подъем, и… «Вот сейчас начнут стрелять», – привычно сообразил Ярцев.

«Та-та-та-та-та… та-та… та!»

Так и есть: это пулеметное гнездо немцы не убирают с весны прошлого года. Не останавливаясь, лейтенант миновал обстреливаемый участок, налег на палки, вкладывая в каждый шаг все свои силы. Скоро впереди выросли скалы, и, сняв лыжи, он короткими перебежками добрался до горловины каньона. Потом залег, набросав себе на спину побольше снега, долго оглядывался. Пулеметы молчали, а на одном выступе скалы была протянута длинная проволока, и на ней раздувались ветром пять маскхалатов. И это молчание пулеметов, и этот дымок

из трубы вражеской землянки, и эти вывешенные словно напоказ балахоны, – все это показалось лейтенанту зловещим признаком.

«Если халаты их, – подумал он, – то где же шестой?»

Сверху хлестанули огнем, снег перед ним прошила длинная очередь. Заметили. И он стал отползать назад, потом тем же путем вернулся обратно. Когда вошел в палатку, майор как раз заканчивал разговор по телефону с базой.

– Приказывают, – сказал он, – оставить до завтра на этом месте пост, а курсантам возвращаться.

– Хорошо, – ответил Ярцев, но про пять маскхалатов рассказывать не стал, только все время думал: «Их это были халаты или нет?.. Если – их, то где же шестой?..»

Два дня еще ждали, потом койку Мордвинова, стоявшую около печки, занял один курсант. На третий день был зачитан по школе приказ, в котором Мордвинова объявили пропавшим без вести, и на этом основании его имя вычеркивалось из списка личного состава. Курсанты часто вспоминали своего погибшего товарища, и память эта была чистой и доброй, все почему-то жалели его, ругали курсанта, который занял койку около печки.

– Ишь ты, обрадовался! – говорили ему.

От прежней неприязни к угрюмому, молчаливому ефрейтору с «Аскольда» не осталось и следа, теперь он казался всем хорошим парнем…

На шестой день, во время лекции по ведению боя на прибрежной полосе, дверь класса тихонько отворилась, и вошел Мордвинов, в мятой гимнастерке и сильно стоптанных сапогах; лицо его, грубое и обветренное, было почти коричневым.

– Разрешите присутствовать на занятиях? – спросил он преподавателя и, сев на свое место, в первую очередь спросил соседа: – Много без меня прошли? Потом дашь конспекты переписать… А какой черт мою койку занял?..

Во время перерыва его почти на руках вынесли в коридор, заставили рассказывать. Мордвинов в этом смысле остался прежним – слова не выбьешь, и речь его была как стрельба из автомата: выпустит очередь и опять молчит до следующей. Ну и рассказал он таким путем примерно следующее: вернулся еще вчера, но целый день продержали в разведотделе фронта, где давал собранные сведения; побывал на хребте Муста-Тунтури, посмотрел, как устраиваются зимовать гренадеры; ничего устраиваются, с комфортом – водопровод, утепленные блиндажи, электричество; все пять человек, ходившие с ним, вернулись невредимыми, их представляют к награде медалями «За отвагу»…

– Ну, а тебя?

– А меня – не знаю, не интересовался.

Его представили к ордену Красной Звезды, и в этот же день он получил сложенное треугольником письмо от пятерых новых друзей, которых приобрел за линией фронта, в снегу, деля с ними поровну последний черствый сухарь. Заканчивалось это письмо так:

«…а еще, дорогой товарищ Мордвинов, сообщаем вам, что благодарны остаемся за науку и хотели бы служить под вашим смелым командованием».

Мордвинов прочел письмо и впервые за все эти страшные дни подумал о Вареньке, далекой и недосягаемой; но на этот раз подумал как-то легко, без боли.

* * *

После перемирия с Финляндией наступление в Заполярье сразу приблизилось, и перед школой была поставлена задача: офицеров морской пехоты, которые необходимы для будущих десантов, выпустить досрочно. В связи с этим командование решило присваивать курсантам при выпуске звание не лейтенантов, как предполагалось вначале, а лишь младших лейтенантов. Учебные программы, однако, не сокращались, и теперь приходилось заниматься по шестнадцать часов в сутки: десять – в классах, а шесть – под открытым небом, в пургу и холод, с обледенелым оружием в руках. По ночам, когда усталые за день люди спали мертвым сном, их вскидывали с коек боевые

тревоги, и в сплошном полярном мраке они грузились на катера, бросались в стылую воду, шли на приступ воображаемых укреплений врага.

Мордвинов, учившийся с самого начала на одни пятерки, сейчас занимался особенно много. Несколько дней, проведенных на Муста-Тунтури, показали ему, что офицер должен очень многое знать, чтобы быть настоящим офицером. Военному начальнику ошибаться преступно, ибо каждая такая ошибка будет стоить напрасной крови людей, вверенных ему страною. Якова ставили в пример другим, он получал благодарности за свои успехи в ученье, и однажды начальник школы вызвал его к себе.

– Мы сейчас будем готовить младших командиров, – сказал он. – Предлагаем вам остаться в школе – для занятий с ними…

Мордвинов отказался. Майор посмотрел ему в глаза и понял, что этому ефрейтору – иная судьба, иной путь.

– Хорошо, идите, – разрешил он.

Скоро состоялся выпуск, и Мордвинову – единственному из всей школы – было присвоено звание лейтенанта.

Да пробудится лесоруб!

Дряхлая полуслепая лапландка, доживающая свой век на чародействе и гадании, сунула ему в руку кусок вынутой из печи каккоры.

– Иди, – прошамкала она черным ввалившимся ртом. – Иди, только сторонись заходить в Туокалу, Ильвесярви и Юколу, – там одни проклятые саксолайнены!

– Как же идти, если везде немцы? – спросил капрал.

– А ты – по болотам, ты – по лесам, да сохранят тебя добрые духи…

– Киитос, муммо! – И, сунув за пазуху приятно обжигающую живот каккару, Теппо Ориккайнен пошел на юг – все дальше и дальше.

Подули теплые ветры – снег растаял. Держа лыжи под мышкой, он обходил деревни задворками. Гитлеровцы могли убить его как финна, шюцкоровцы – как изменника. Страшно, когда в родной стране не найти себе места!..

Отряхивая с ветвей комья рыхлого снега, мирно и покойно шумели леса. Он шел на юг, и с каждым часом выпрямлялись корявые березы, стройнее становились сосны, глубже предательские болота. Идти по мшистым кочкам и гатям было трудно, капрал по пояс вымок в жидкой грязи.

Вечером Теппо Ориккайнен встал коленями на камень и долго молился, прикладывая к груди большие, перевитые узлами вен руки. Листья осины трепетно дрожали над ним; старая ворона, склонив набок голову, внимательно следила за человеком.

Капрал перестал молиться, и по его щеке медленно поползла большая слеза. Он вспомнил, как легко ему было тогда, в молодости, когда он сидел в пивной, играл на самодельной гармошке, а Лийса пела высоким чистым голосом; она пела о том, что на горе стоит дом, а под горой река, и по реке плывет лодка… Разве думал он тогда, что ему придется прятаться по болотам, а его Лийса станет подстилкой немецкого ефрейтора? Проклятая жизнь!..

Он поднялся с колен и увидел, что далеко-далеко, среди сосен редкого леса, мерцает теплая точка костра. Капрал снял штаны, выжал их сильными руками, потом надел снова и пошел к людям. Огонь то пропадал из виду, то снова вспыхивал в отдалении, становясь все ближе и теплее.

«Только бы не немцы! – думал он. – Сначала посмотрю…»

Неслышными шагами подкрался к костру. Две молодые женщины сидели возле огня. На воткнутых в землю палках сушились авиационные комбинезоны и большие меховые сапоги. Лица женщин были усталы и черны от копоти. Одна из них поворачивала над огнем сучок с нанизанными на него грибами, другая смотрела на пламя.

«Русские… Самолет их, наверное, подбили, и вот…»

Под ногой хрустнул сучок, два пистолета сразу уставились в темноту:

– Кто здесь?..

Теппо Ориккайнен вяло опустился на кочку, сказал на корявом русском языке:

– Не надо стрелять, нэйти… Вы русские, а я финн, между нами война кончилась, нэйти!..

– Выбрасывай оружие!

– У меня нет оружия, я бежал из тюрьмы…

– Тогда подойди сюда.

Капрал вышел из темноты, жадно посмотрел на костер.

– Я сяду, нэйти, если позволите?

– Садись…

Он почти обхватил руками веселое, брызжущее искрами пламя.

Его лицо просветлело, когда он сказал:

– Вы добрые люди, нэйти!..

Одна из женщин, которая жарила грибы, спросила:

– До границы еще далеко?

– Если идти прямо – нет, но кругом немцы…

– Это мы знаем, летели – так видели, а сколько нам еще идти?..

Он увидел, что нога одной женщины забинтована, и промолчал, чтобы не пугать их дальностью расстояния.

– Вы откуда идете? – спросил.

Ему не ответили. Женщина, у которой была перевязана нога, спросила:

– Саня, ну скоро ли?..

– Сейчас, Шура, сейчас!.. Вот эти, кажется, уже готовы, потерпи еще немножко.

На сучке, истекая соком, морщились от жара лесные и тундровые грибы, от них вкусно пахло.

– Нэйти, – сурово сказал капрал, – снимите вот этот гриб… и этот тоже снимите: они ядовитые.

– А мы их ели!

– Снимите, – повторил капрал и нащупал под мундиром давно остывшую каккару. – У меня, – сказал он, подумав, – есть хлеб, и мы сейчас, нэйти, съедим его весь!..

* * *

На шестой день своего пути Теппо наткнулся на заявочный столб акционерного общества. По реке, подпрыгивая на порогах, быстро неслись сосновые бревна. Капрал поймал одно из них, притянул к себе комель. Так и есть: на толстой коре вырублена марка: «Х». Значит, он вышел прямо к вырубкам «Вяррио».

Скоро послышался стук топоров и визг пил. Теппо Ориккайнен пошел быстрее. Голод и болотная сырость вечернего леса торопили его. Треск рушащихся на землю деревьев напомнил ему былое, когда он валил лес на хозяйских вырубках.

А вот и сама делянка, где он ел гороховый суп и спал на тесных, загаженных клопами нарах, дыша тяжелым батрацким потом.

На крыльцо вышла пожилая женщина, топая по ступеням подбитым деревом кеньгами, всмотрелась:

– Никак это ты, Теппо?

– Я, тетка Илмари. Узнала все-таки?

– Узнала, хоть и состарился ты очень… Откуда?

Капрал невесело отмахнулся от кухарки, вошел в дом.

– Ну, – спросил, – остался еще лес в моей Суоми?

– Рубят-рубят, а все не вырубят.

– Да-а, тетка Илмари, да… Зато вот людей стало меньше. Пуля – не топор. Срубит – и щепок не останется. Да, тетка, да-а…

– Позвать кого? – спросила кухарка.

– А разве кто остался из прежних друзей.

– Пришли недавно… Вот Анти Роутваара без руки, Вяйне Коскела, Пекка Ярвилайнен, Матти Сеплянен…

– А ну-ка, позови их!

Пришли лесорубы, сложили в угол свои тяжелые топоры, сели вдоль стены на лавку.

– Хувяя пяйвяя, Теппо. Где же твои капральские погоны?

– Я оставил их в тюремном каземате Петсамо.

– Та-а-ак… Пришел получить вместо них топор?

– Я, – ответил Ориккайнен, – если возьму топор, так буду рубить кого угодно, только не деревья!

– Война закончилась, Теппо.

– Она еще только начинается, дурни…

– Кх… кха! – откашлялись лесорубы.

Тетка Илмари, печально вздохнув, разлила по мискам похлебку, разрубила на ровные части «фанеру», оставшуюся от прошлых времен.

– Садись и ты, Теппо!..

Ориккайнен сел. Голова пошла кругом от одного только запаха вареной пищи.

– Ух, ты! – сказал он. – Такая же, как в каземате!

Жаром дышала раскаленная докрасна железная бочка, заменявшая печь. Лесорубы разделись до пояса, так что открылись шрамы и раны двух войн, и стали жадно есть.

– Такая же, как в каземате, – согласился один лесоруб, – только в каземате за нее деньги не высчитывали.

– Зато потом, – улыбнулся капрал, – чуть не высчитали за все сразу!

Кухарка снова вздохнула:

– Русские говорят: бережного бог бережет.

– Помолчи, тетка…

Когда миски были вычерпаны до дна, все пятеро легли на верхние нары, закурили горький табак с примесью листьев.

– Ну, рассказывай, Теппо!..

Кое-как, подбадриваемый кивками, кряхтеньем и поддакиванием, рассказал о себе. Помолчали. Захрустел лист газеты.

– Читал?

– Что?

– О беженцах из Петсамо. Как их там немцы…

Теппо сердито засопел носом:

– Я это сам видел!

– Та-а-ак… А про договор знаешь?

– Слышал, но плохо знаю.

Однорукий Анти Роутваара заговорил первым:

– Дешево мы вышли из войны, дешево. Наша Суоми еще в тридцать девятом начала то, что Гитлер хотел. А вот ведь… русские мстить не стали. Даже военнопленных возвращают. Говорят, что наши правители не справились со своим обязательством…

– Каким это обязательством? – спросил Ориккайнен.

– А ты разве не знаешь, что Маннергейм еще до переговоров обещал к пятнадцатому сентября всех немцев, что остались у нас, интернировать. Прошел этот срок.

Бывший капрал усмехнулся:

– Немцы и не уйдут. Вон я шел по Лапландии – стон стоит: всех гонят окопы рыть. Хотят линию обороны тянуть от Петсамо до Рованиеми. На нашей же земле

собираются воевать с русскими. И пока сам народ не поднимется, гитлеровцы останутся у нас!..

– У нас, Теппо, свои гитлеровцы есть, – сказал Матти Сеппянен. – Вот, послушай… Здесь финская секция «Международного рабочего ордена» приветствует заключение мира. И в заявлении своем пишет… Ты слушай, она пишет, что условия мира «…очень снисходительны, если принять во внимание длительную службу финнов на стороне гитлеровцев. Финны могут вновь завоевать уважение и доверие демократического мира только в том случае, если предадут в руки правосудия своих собственных финских гитлеровцев…». Понятно, Теппо?..

– Ну и что? Предали правосудию?

– А вот прочти…

Теппо развернул серый, истертый в карманах газетный лист. Глаза, непривычные к чтению, медленно ползли по строчкам.

– Финское правительство обязано распустить такие фашистские и военные партии, как «ИКЛ» – так!.. – «Шюцкор», «Союз братьев по оружию», «Академическое карельское общество», «Асевели». Ага, и до наших эсэсовцев добрались!.. И женскую фашистскую партию «Лотта Свярд». Значит, потрясут наших хозяев…

– Потрясут или нет, а пока они нас трясти начали.

– А что?

– Приезжал Суттинен…

– Барон?

– Да. Снизил расценки, за похлебку стали высчитывать вдвое больше, а ты посмотри, в чем мы работаем!

Лесоруб поднял ноги в рваных, перевязанных бечевкой пьексах, из-за голенищ которых торчали пучки сена.

– Одно слово – батрак!..

Перед сном каждый лесоруб получил по стакану молока и поставил его на подоконник.

– Мы и тебе, Теппо, выделили долю, завтра выпьешь простоквашу.

Бывший капрал вышел из барака. Закурив, облокотился на перила крыльца и задумался…

В вышине, пробиваясь через ветки елей, тихо горели ночные звезды. Горько пахло смолой и свежесрубленной щепкой. Теппо Ориккайнен смотрел на звезды, дышал запахами осеннего леса и думал о тех, кто сейчас спит в бараке, в соседней деревне, кто еще ворочается на казарменных нарах, кто вот так же смотрит на звезды через решетки казематов, – он думал о всей своей Суоми, настрадавшейся, милой, доброй Суоми, которая пахнет сосновыми соками, озерной водой и потом лесорубов, каменщиков, рыбаков.

В этот момент он понял: война закончилась, но она закончилась только для русских, а финнам не принесла долгожданного покоя. Снова в глухих деревушках становятся под знамена шюцкоровские батальоны; гитлеровцы не уходят из Лапландии, терзая нищую землю железом своих орудий…

Теппо Ориккайнен потянулся до хруста в костях и твердо решил: «Пусть они пьют свою батрацкую простоквашу, а я не стану. Довольно, сатана перкеле!.. Пора подумать о нашей Суоми, если об этом не хотят думать в Хельсинки…»

Он вернулся в землянку, выбрал из груды топоров самый тяжелый и долго точил его. А наточив, сунул его за пояс, призывно крикнул:

– Эй, кто со мной? Вставайте!..

* * *

Через несколько дней по северным провинциям Финляндии пронеслась тревожная новость, которую передавали по деревням, становищам и делянкам.

Люди зашептались:

– Ляски каппина… ляски каппина…

Старожилы припоминали 1921 год, когда эти два слова родились, так же как и сейчас, на вырубках «Вяррио», и лесорубы, пробудившиеся в лесных трущобах, пошли громить лесных баронов и кулаков, чтобы покончить с террором лахтарей в Советской Карелии…

– Лесорубы пробудились!.. Лесорубы восстали!..

Эта весть шла по узким звериным тропинкам, проползала через болотные гати, влетала в деревни, как сорвавшийся с цепи медведь, и одни прятались по домам, другие выходили навстречу этой вести.

Одни говорили:

– Эти выгонят немцев, эти освободят Лапландию…

Из-за плотно закрытых ставней доносилось другое:

– Сюда бы наших парней да пулеметы…

А лесорубы меняли топоры на шмайсеры и шли от одного селения к другому, под корень срезая буйно разросшиеся кусты немецких гарнизонов. И кружились по дорогам слухи: ведет лесорубов бывший капрал, убежавший из тюремного каземата Петсамо, ведет он их за собой и говорит всем, кто ему встретится:

– Пора, – говорит он, – пора, люди!.. Пусть каждый финн подумает о земле, на которой живет, надо сдержать обещание, данное русским: ни одного немца в нашей прекрасной Суоми!..

Тяжело шагал по земле рыжий финн Теппо Ориккайнен, много полегло немчуры от его крепкой батрацкой руки.

«Дикий» батальон

Та «собачья» – иной и не следовало ожидать – аттестация, с какой фон Герделер выбросил Штумпфа из Лапландии, сильно повредила обер-лейтенанту, которого в штабах и без того считали офицером тупым и недалеким. Прожив четыре дня в гостеприимном Парккина-отеле и пропив от огорчения все свои деньги, Штумпф получил на пятый день в свое командование не роту и даже не взвод, на что он надеялся, а целый батальон!..

Когда он приехал в Пароваара принимать дела, сменяемый командир встретил его радостным, но сразу насторожившим обер-лейтенанта возгласом:

– Слава богу, наконец-то!.. Если бы вы сегодня не пришли, я пустил бы себе в рот пулю!..

Руки его тряслись, словно после длительного запоя; он глотал микстуру и нервно покрикивал:

– Без оружия не ходите!.. Набивайте патронами все карманы!.. На фельдфебелей не надейтесь!.. И – стреляйте!.. Как можно больше!.. Я в этом «диком» батальоне полтора месяца!.. Застрелил одиннадцать сволочей, но, кажется, мало!..

Выяснилось, что батальон состоит из ста восьмидесяти трех отпетых штрафников, уже не раз приговоренных к расстрелу, но спасаемых только необходимостью в нужную минуту бросить их в самое пекло, – там перегорят все!..

«Я, кажется, влип», – опечалился Штумпф, направляясь знакомиться со своими подчиненными.

– Ты чего здесь стоишь? – спросил он фельдфебеля, застывшего у дверей барака с автоматом в руках.

– Охраняю, герр обер-лейтенант.

– Кого?

– Наказанных военным судом.

– Всех ста восьмидесяти трех?

– Так точно, герр обер-лейтенант.

– А если не охранять?

– Разбегутся, – объяснил фельдфебель. – Правда, убежать здесь некуда – тундра, но патрулям будет работы на всю неделю!

– Открой дверь!..

Штумпф вошел в барак, с минуту стоял на пороге, приучая глаза к мраку, а нос – к зловонию. Он уже почти приучил свои основные органы чувств к новой обстановке, как вдруг чей-то громадный сапог, окованный железом, трахнул его по голове.

– Здорово, парень! – крикнули при этом откуда-то сверху. – Что скажешь?

Штумпф подобрал сапог и сказал:

– Так, один есть… Меня не проведешь! Сейчас я узнаю, чей это сапог, и одним человеком в нашем обществе станет меньше… Становись!

Дружным хохотом ответили ему с вонючих нар, которые заскрипели и зашатались, грозя рухнуть.

– Я что сказал?.. Становись в шеренгу по одному! – скомандовал обер-лейтенант.

В ответ кто-то громко испортил воздух и крикнул:

– Хайль Гитлер!

– Ха-а-аль! – заорали все сто восемьдесят три.

Штумпф такого святотатства снести не мог и, выхватив парабеллум, стал высаживать патрон за патроном куда попало: в потолок, в стенку, в окно, а потом заявил:

– Сейчас начну бить на выбор… Каждого, кто больше понравится!.. А ну, вот ты…

Трах! – и, черт возьми, промазал!

Кое-как, нехотя, построились. Но каково же было удивление Штумпфа, когда он увидел, что у всех ста восьмидесяти трех не было сапога на левой ноге, и он держал сапог тоже с левой ноги.

– Ну, – выдохнул обер-лейтенант, – вы, я вижу, народ опытный. А я таких как раз уважаю. Так что, парни, ссориться с вами я не хочу. Нам еще воевать вместе придется. Чей это сапог?.. Держите!..

Вышел из барака, хотел посмотреть время, но часов на руке уже не было. Что есть силы заталкивая в парабеллум свежую обойму, рванулся обратно. Но вдохнул прокисший воздух, поглядел в дымную тьму и понял, что часы – хорошие, швейцарские, на семнадцати камнях – потеряны безвозвратно.

* * *

Наступило страшное время. Батальон был действительно дикий. Внутри него, помимо военных законов, царили еще какие-то свои особые законы. Штумпф решил не убивать никого. Он поступал иначе. Вызывал к себе, закрывал дверь. И потом долго бил чем придется. В суд он тоже никого не отдавал. Судил сам. Рукояткой пистолета. По голове, раз, раз! Потом долго мыл руки.

Ему мстили. Просыпаясь по утрам, он выливал из своих сапог солдатскую мочу. Вытряхивал из фуражки всякое дерьмо. Раскидывал во сне руки, и тело вдруг било электрическим током. Оказывается, какая-то сволочь подключила провода к его кровати. А однажды и того чище. Проснулся от холода. Выглянул из-под одеяла. Что такое?.. Звезды светят, с черного неба снег сыплется. А сам герр обер-лейтенант лежит посреди двора. Знал: всегда крепко спит, но не думал,

что уж настолько, что не мог заметить, как его вместе с койкой на улицу выносят.

Каким раем казалась ему теперь служба в качестве военного советника при финской армии! Правда, там тоже было нелегко, и лейтенант Суттинен, конечно, подлец и негодяй, но… Ах, боже мой, разве можно сравнить то золотое время с этой проклятой службой! Штумпф вызывал к себе фельдфебелей (их было четыре), долго уговаривал усилить в батальоне режим. Он говорил, а сам заранее знал, что все останется по-старому. И еще он знал, что фельдфебели боятся даже входить в барак. Нет, правда, не все. Был один, который не боялся. Это фельдфебель Адольф Цигнер. Белокурый гулливер с длинными руками, всегда чему-то улыбающийся. Он никого никогда не ударил. Но его боялись. Штумпф – тоже. Сам не знал почему. Цигнер лениво прохаживался около нар, небрежно говорил: «Так жить нельзя, парни. Вы бы хоть пол подмели». И когда он так говорил, все начинали суетиться. Но, странно, никого не ударил. Один только раз. Кто-то назвал его гестаповцем. Цигнер, как всегда небрежно, подошел. Взял свою жертву за плечи. Оторвал от пола. И забросил, как котенка, в дальний угол. Упавший пять минут лежал, словно умер. А фельдфебель, по-прежнему улыбаясь чему-то, вышел…

Штумпф просмотрел его документы. Удивился. Цигнер действительно работал в гестапо. Был не кем-нибудь, а крайсфюрером, кавалером ордена «Крови и земли». И все потерял в одну ночь. После допроса немецкой коммунистки сказал при начальстве: «Как ни страшно, а все-таки они победят!»

И поэтому оказался здесь. И вот никого не бьет. И вот улыбается. И ударил только один раз. Когда назвали его гестаповцем…

Наконец пришел такой день, что Штумпф решил плюнуть на все. На что – на все? А на все, вместе взятое. И когда решил так – стало лучше. «Дикий» батальон сразу почувствовал это. Почувствовал и тут же отблагодарил – вернул часы. Штумпф нашел их у себя в столе и повеселел.

– Так, – сказал, – что-то будет дальше?..

Дальше было вот что. Фельдфебель Войцеховский, которого ненавидели все, вошел однажды в барак. Вошел – ну и что же тут такого? Но он вошел и… не вышел, только дым из трубы барака вонял чем-то жареным…

Штумпф решил: «Промолчу». И это пошло на пользу. Его вроде начинали слушаться. Потом стали исполнять приказы. Он осмелел. Сначала повыбросил из карманов обоймы. Скоро и пистолет. Так и входил в барак. Никто не тронет. Стали даже вставать при его появлении. Подтягиваться.

Однажды штрафники пригнали автоцистерну. Где они ее украли – непонятно. Но цистерна стояла в гараже, и в ней плескалось около трех тысяч литров шнапса. Штумпф понял: когда-когда, а сейчас особенно надо молчать. Кто-то ночью разбудил его, пригласил в барак. Там уже шла тихая пьянка. Налили ему. «А-а, все равно!» – подумал Штумпф и выпил.

Очень удивился, увидев здесь же Адольфа Цигнера. Фельдфебель сидел, курил, улыбался. Его усиленно спаивали. Но он не пьянел. У него был очень маленький рот. И розовый, как у младенца. Но маленький настолько, что, говорили, он ест чайной ложечкой. И вот этим нежным крохотным ротиком бывший гестаповец высказывал страшные вещи. Он говорил:

– Герр обер-лейтенант, разве вам не кажется, что все идет к концу, которого все мы ждем? Мы боимся его, ибо это все-таки конец. Но мы будем рады ему, когда он наступит. Режим, созданный нами, однажды рухнет, как рухнут когда-нибудь все эти вонючие нары. Видите, как сильно скрипят они и шатаются?.. И если в этом случае мы пожалеем только двух-трех задавленных парней, то кто же вытащит нас с вами из-под обломков третьего рейха? Никто, поверьте мне! Я почти не воевал, но видел крови гораздо больше, чем могло бы вместиться ее в десять таких цистерн, как эта, которую мы распиваем сейчас. И я знаю, герр обер-лейтенант, что этот режим…

– Мы пропали, фельдфебель! – перебил его Штумпф, выглянув в окно.

– Да, – продолжал Цигнер, – мы пропали, потому что совершаем…

– Да о чем вы! – крикнул Штумпф. – Мы пропали. Эсэсовцы!..

Цигнер подскочил к окну, сдавленно прошептал:

– Эй, парни, валяйте «Вахту на Рейне»… Громче!..

И пока Штумпф на подгибающихся от страха ногах выползал на двор, за спиной у него убирались следы попойки, и грозно гремела вдогонку патриотическая песня:

На Рейн, на Рейн, на Рейн родной,

Мы встанем крепкою стеной.

Отчизна, сохрани покой.

Не влипну я —

Я парень не такой!..

«Ох, не влипнуть бы», – тоскливо думал Штумпф…

На двор через распахнутые ворота уже въезжали грузные черные машины с наглухо закрытыми кузовами. Одни офицер спрыгнул с подножки, требовательно выкрикнул:

– Командир батальона?

– Да, герр…

– Сейчас ваш батальон отправляется к озеру Чапр, – сказал офицер, и Штумпф почувствовал, как отлегло у него от сердца. – Сколько человек у вас?

– Сто восемьдесят три.

– На семь машин, – прикинул эсэсовец. – Как-нибудь уместятся… Эй, Франц! – сказал он шоферу. – Разворачивайся и подводи прямо к дверям…

Началось что-то страшное и дикое – такое, после чего даже Штумпфу было стыдно смотреть в глаза своим солдатам. Первая машина почти влезла задними колесами на крыльцо, эсэсовцы образовали нечто вроде живого коридора. Людей, которым даже ничего не объяснили, пинками и руганью погнали из барака. Штрафников спасало только то обстоятельство, что они были пьяны. Словно скот, они кинулись в распахнутые двери, но там их подхватывали

эсэсовцы, и оставалось только бросаться в черную дыру грузовика…

– …Двенадцать… четырнадцать… семнадцать… Шевелись!.. Девятнадцать… двадцать три… Хватит, – командовал старший. – Франц, выезжай на дорогу!.. Губер, подводи свою машину!..

Скоро все грузовики были битком набиты людьми, и тогда Штумпфа спросили:

– Здесь только сто восемьдесят один человек. Где еще двое?

– Не могу ответить точно, герр…

– А кто же может?

– Из барака никто не выходил, кроме…

– Найти! – приказали ему.

Перерыли весь барак, облазали весь двор, ряды проволочных заграждений – не нашли. Так и поехали без двух. А когда уже выехали на простор тундры, обер-лейтенант Штумпф увидел в окошечко, что какая-то машина все время идет позади колонны. Не отстает и не догоняет. Он присмотрелся и узнал в этой машине автоцистерну со спиртом.

«Не допили», – подумал он о тех двух, что пропали, и ему стало вдруг весело…

* * *

Вот уже десять минут над душой стоит фельдфебель Лонгшайер – друг «пропавшего без вести» Войцеховского.

– Герр обер-лейтенант, – скулит он, – герр…

Штумпф, прильнув к окулярам стереотрубы, молчит. Сильные окуляры приближают к нему линию русской обороны, выпирающую на этом участке фронта в расположение немецких войск. Кажется, все спокойно: не заметно

никакого передвижения, в чистом морозном воздухе тихо тают белые дымки землянок.

– Герр обер-лейтенант, а герр обер…

Штумпф, по-прежнему молча, разворачивает стереотрубу на все сто восемьдесят градусов, смотрит теперь в сторону озера Чапр. Там настороженно чернеют рыльца пулеметов, выставленные на страх «дикого» батальона, и офицер печально вздыхает: «Ну хорошо, они… А я-то при чем?..»

– Что вам, фельдфебель? – раздраженно спрашивает он.

– Эти сволочи, герр обер-лейтенант, играют в карты…

– Так что?

– Они играют на меня.

– То есть как это на вас? – не понимает Штумпф.

– Проигравший должен меня убить. Я слышал, как они договаривались…

– Ну, а что я могу поделать, фельдфебель?

– Им выдали оружие, герр обер-лейтенант, и, поверьте мне, они это сделают.

– Я не сомневаюсь.

– Но я не могу, герр обер-лейтенант. Я, наконец, уйду из этого «дикого» батальона!

– Куда? – усмехнулся Штумпф. – Там русские, а там… сами видите. Зарядите как следует парабеллум и постарайтесь спустить курок на полсекунды раньше, чем это сделает проигравший. Больше я вам ничего не могу посоветовать.

– Хорошо, – зловеще соглашается Лонгшайер, выбираясь из окопа. – Я постараюсь спустить курок раньше, чем кто-нибудь из них успеет проиграть!..

Он отбегает несколько метров, и в этот момент где-то вдалеке рождается тонкий заунывный звук. Постепенно он усиливается, разрастаясь в грозный рев. Штумпф привычно вбирает голову в плечи, земля тяжко вздрагивает под ним. И когда он поднимает голову, то видит, что на том месте, где только что стоял Лонгшайер, дымится глубокая воронка, и – ничего больше.

«Кто-то уже проиграл», – насмешливо думает обер-лейтенант, но воздух снова разрывается полетами снарядов, земля твердыми комьями рушится в окоп, стучит по каске. В полузасыпанном блиндаже, как отголосок другого мира, названивает телефон. Штумпф подползает, берет трубку.

– Что там у вас случилось? – спрашивают из соседнего батальона.

– Все было спокойно, и вдруг…

Грохот, треск балок, противный шорох оползающей земли.

– …И вдруг русские открыли огонь, – говорит Штумпф. – Если это артиллерийская подготовка, то мне…

Снова взрыв – совсем рядом.

– …То мне не понятно, к чему она…

Еще взрыв, еще, еще!

– …К чему она сведется. Я только что сейчас осматривал их позиции, но… Алло, алло!.. У, черт, перебили!..

* * *

Так началась обработка огнем переднего края немецкой обороны. До наступления советских войск оставались считанные дни, и высокий суровый

человек в полушубке и генеральской папахе, следя за взрывами снарядов, сказал как бы про себя:

– Вот отсюда, от озера Чапр, мы направим наш главный удар и, соединившись с матросскими десантами, вместе пойдем на Петсамо!..

«Лесная гвардия»

Дремучий лес, затянутый утренними туманами, неожиданно огласился выкриками:

– Кончай работу!..

– Кто сказал?..

– Эвэрсти Юсси Пеккала!..

– Сдавай топоры!..

– Почему?..

– Эй, Вяйне, хватит!..

– Идем в Вуоярви!..

– Получать оружие!..

– Зачем?..

– Снова война!..

– На этот раз наша!..

– Дожили наконец!..

– Хуррра!..

«Лесные гвардейцы» выходили из леса, строились в ровную колонну. Вскинув на плечи топоры и опоясавшись гибкими пилами, они дали первый шаг разбитыми сапогами. Вянрикки Таммилехто встал впереди строя. Если бы его увидела сейчас та маленькая Хелли, что подарила когда-то шелковую подвязку… «О-о, – сказала бы она, – мой Раутио большой человек!» И это в конце концов ничего не значит, что люди, шагающие за ним, голодны, плохо одеты, покрыты фурункулами и грязью. Все равно, хорошо идти впереди них.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В Финляндии существует закон о несменяемости чиновников, благодаря которому от должности чиновника может освободить один только суд.

2

– Вот тебе, на!.. Вот!.. Вот еще!..

3

– Кто идет?.. Пропуск?.. Стоять на месте, иначе буду стрелять!..

Купить: https://tellnovel.com/pikul-_valentin/okeanskiy-patrul-kniga-vtoraya-veter-s-okeana-tom-4

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити